

Современная проза

ВЛАДИМИР НИКИФОРОВ

ЖИЗНЬ КЛИМА ГОРДЕЕВА

Главы из романа

Глава первая

Клим родился в марте сорок третьего на случайной зимовке и назван был по имени теплохода немецкой постройки «Клим Ворошилов», чей караван из трех лихтеров и семнадцати барж застрял поздней осенью во льдах на пути в Северный порт. Женщин и ребятишек расселили по домам в убогой деревушке неподалеку, а мужики до самого нового года жили на теплоходе и лихтерах, валили лес и строили дом, куда потом перешли жить. Сам же теплоход под командованием ссыльного капитана дальнего плавания Маркова, оправданного перед самой войной, и головной лихтер Степана Гордеева, груженный углем, стояли под парами всю зиму, и Клим появился на свет в шкиперской каюте, укутанной для тепла снаружи войлоком и обитой досками. И, когда, казалось, самое трудное и тяжелое было пережито, настали теплые солнечные дни и растаял снег на надстройках, мать Клина умерла, сгорела в несколько дней, но Степан не потерял головы, а схватил в охапку закутанного в несколько одеял сына и побежал в деревню, где на квартире у одних стариков жила матроска с «Клима Ворошилова», родившая

в феврале девочку. Степан бросился перед молодой женщиной на колени и неожиданно зарыдал, даже не зарыдал, а заревел страшно, по-звериному.

Как ни старались речники всю зиму, строя из бревен и намороженного льда дамбу, ранний ледоход похоронил их надежды, разломав и потопив все баржи. С тремя лихтерами на буксире «Клим Ворошилов» пришел в пункт назначения вслед за льдом, и капитана сразу арестовали. На месте зимовки остались покореженные и затопленные баржи да могила матери Клина, а его семнадцатилетняя кормилица (ее звали Аней) стала его мачехой. И еще у него появилась сводная сестра Надя. Отплавав навигацию, встали на плановую зимовку в поселке Речном и жили в деревянном двухэтажном доме, только что построенном заключенными из местного лагеря, в отдельной однокомнатной квартире, в которой, однако, для экономии отапливали только комнату. Надя отпала от Аниной груди, как только начала ходить и говорить, в десять месяцев, а Клим сосал грудь своей кормилицы почти до четырех лет. Аня объясняла своим товаркам, когда те начинали стыдить Клина: «Это

я, чтоб не забеременеть, куда мне с тремя-то?», а Клим отрывался от вкусной груди и говорил: «Тетя, иди на куй». И первое, что он помнил из своего детства, – большие, белые, горячие груди Ани, которые он по очереди обхватывал обеими руками, сдавливал, покусывал, и Аня почему-то позволяла ему это и не ругала его. Повзрослев, Клим с удивлением обнаружил, что совсем не видит в своем детстве отца – только Аню, он не отходил от нее ни на шаг и все время жил в ожидании тех сладостных минут, когда он сядет к ней на колени и сам, своими руками, выпростает Анину грудь из ее платья.

Климу никто не был нужен, кроме Ани, а Надя, наоборот, неожиданно привязалась к своему отчиму, ластилась к нему, и тот просто млеял, и редкая улыбка появлялась на его суровом неподвижном лице. Клим уже знал, что Аня и Надя не родные ему, потому что отец сам сварил железный памятник со звездочкой наверху, и однажды караван остановился повыше деревеньки в десятка полтора домов, и Аня сказала Климу с Надей, что здесь они родились шесть лет назад, а отец погрузил покрашенный белилами памятник в лодку, спустил ее на воду и взял с собой Клима. Они установили памятник на месте креста, сваренного из труб, и стояли у могилки с опущенными головами, и Клим почувствовал неведомую до сих пор грусть, словно его лишили самого дорогого в жизни, но потом он вспомнил про Аню: нет, его мама не умерла, она с ним, и когда они вернулись на лихтер, он подбежал к ней, уткнулся лицом в ее мягкий живот и разрыдался: «Мама!.. Мама-Аня!»

А в следующую навигацию лихтер попал в аварию с порчей груза, отца посадили, и они остались втроем. Если бы еще не было его сводной сестры, которая стала капризулей и плаксой, Клим был бы совершенно счастлив. Шкипером на лихтере стал отцов помощник дядя Гриша, мужик лет сорока, сельский механизатор, вырвавшийся из деревни с женой, рыхлой, болезненной тетей Клавой, и шестнадцатилетней дочерью Грунькой, широкозадой, как баржа. Пока Степан Гордеев был командиром, дядя Гриша клялся ему в верности, а как сам стал шкипером, посадил Аню с детьми на берегу возле дебаркадера и буркнул,

пряча глаза: «Ждите, скоро пассажирский снизу придет». И они пошли со своим скудным скарбом – ведь жили-то на всем казенном – в зал ожидания, оказавшийся пустым и холодным. У Нади уже не было ни сил, ни слез, и она тут же уснула на деревянной скамейке под старенькой Аниной шалью, а Клим прислонился к Ане, и та обняла его и прижала к себе: «Мальчик мой, родненький! Как бы я без тебя?» «А я без тебя – сразу бы умер!» «Глупый! – Она наклонилась и поцеловала его. – Это я бы умерла!» «Нет, я!» И она прижала его к себе еще крепче, а он спросил: «За что дядя Гриша нас, что мы ему плохого сделали?» Аня вздохнула: «Это не дядя Гриша, а тетя Клава. Побоялась она...» Клим поднял голову: «Чего?» «Ничего. Мал ты еще...» Клим обиделся: «Ничё не мал! Грунька нам с Надькой все рассказала!» Аня неожиданно оттолкнула его от себя: «И что она вам рассказала?» «Ну, как люди женятся, откуда дети рожаются!..» Клим рассказывал обстоятельно, ничего не скрывая, а Аня глядела на него со страхом и чуть ли не с отвращением, потом вдруг притянула его к себе и зашептала в самое ухо: «А когда ты все узнал, ты меня, наверно, перестал любить?» «Нет, – ответил Клим горячим шепотом, – я еще больше стал любить тебя! Когда я вырасту, я женюсь на тебе!» «На мамах не женятся!» «А ты не мама, ты – мама-Аня!» Она щекотно засмеялась в самое его ухо: «Я думала, ты женишься на Наде!» Клим помотал головой, покоившейся на высокой Аниной груди: «Нет, лучше пусть отец на ней женится, вон как она скучает по нему!» И Аня снова оттолкнула его от себя: «Не вздумай сказать кому!» Клим обиженно засопел: «Чё ты прямо? Я же не виноват, что ты такая!» «Какая?» «Лучше всех! И я тебя всегда-всегда любить буду! А ты?» «Солнышко мое! Да я и так из-за тебя всю жизнь поломала! У меня же, кроме тебя, никого больше на свете нет!» Но последних слов он уже не слышал, провалившись в сон на Аниных теплых руках.

Они приехали в свой поселок и переночевали в своей квартире, а утром Аня убежала в «кадры». Командовал ими маленький, ростом с пятиклассника, Коркин, которого боялись даже бывалые шкипера, а женщины, те просто трепетали перед ним. Клим с Надей

прождали ее целый день, голодные, осиротевшие. Аня пришла с полной сумкой продуктов, там были даже колбаса и конфеты. Была Аня незнакомо веселой, чужой, от нее пахло вином, и она неожиданно стала ласкать и кормить Надю, а на Клима не обращала никакого внимания. Обиженный Клим лег на постель, не раздеваясь, и заснул. Он проснулся в темноте и обнаружил, что кровать Ани пуста. Она сидела на кухне под тусклой лампочкой, уставившись взглядом в стену. Клим подошел, позвал: «Маманя!», что на самом деле означало «мама-Аня», погладил, но Аня повела плечом, словно сбрасывая его руку: «Иди, Климушка, поспи еще немножко». «А ты?» «А я уж не лягу. Собираться буду. Утром уезжаем». «Куда?» Аня помолчала. «Хорошее место я у Коркина... выхлопотала. На дебаркадере будем жить».

И место оказалось действительно хорошим. Аня с Надей занимали каюту для матросов, а Клим размещался в одной из обычно пустующих комнат отдыха. Они с Надей купались в теплой воде, катались на лодке, ловили прямо с борта пескарей, а вечером, выпросив у Ани два рубля, бегали в кино. Он сблизился с Надей и отдалился от Ани, которая после поселка как будто потухла, выключилось в ней что-то. Шкипершей была крупная пятидесятилетняя женщина, от которой приятно пахло постным маслом, на котором она жарила пескарей. «Опять этих пизденышей наловил?» – смеялась она, когда Клим приносил ей пожарное ведро с уловом. Не стесняясь детей, учила Аню жизни: «Чё одна кукуешь? Заведи мужика! Убудет тебя, что ли?» Аня молчала, опустив голову. «Молодая, красивая, сдобная! Да я б на твоём месте!..» «А что вам мешает?» «А мне ничё не мешает! – смеялась шкиперша. – Вот уж как праздник будет!..» И в предвкушении чего-то невыразимо приятно передернула покатыми плечами. «А что за праздник?» – спросил Клим. «День военно-морского флота! Все моряки к нам сбегутся!»

Но к ним никто не сбегался, потому что в субботу все сельские мужики отравились на своих лодках по ягоды, на рыбалку, на покос. Они сидели за столом вчетвером, и шкиперша белозубо улыбалась Климу: «А нам никого и не надо, у нас вон какой красавчик: волос свет-

ленький, а реснички черные да густые! Девчонки все ляжки обоссут!» Клим опустил глаза, а Надя наоборот вздернула голову и почему-то покраснела. «У них, – махнула шкиперша мощной рукой в сторону деревни, – уже ничё нового в жизни не будет, а у тебя – все впереди! Столько интересного узнаешь! Хочешь узнать-то?» Клим взглянул на Аню, но та отвела глаза. «Хочешь, по глазам вижу! За маманей-то подглядывал?» И тут Аня взглянула на него так, что он совершенно неожиданно для себя кивнул: «Она самая красивая, лучше всех!» Аня ненатурально засмеялась и потянулась к бутылке: «А давайте выпьем за меня, раз я лучше всех!» Клим заявил, что тоже хочет выпить за «маманю», и ему налили целый стакан вина, и всем стало легко и весело, а шкиперша стала петь матершинные частушки.

Потом она вытащила Клима плясать и закружила его, и он упал на пол, а она топала своими толстыми ногами и трясла над ним большим задом в голубых трусах до самых колен. Аня подняла Клима на ноги и тоже стала кружиться с ним, и он опять упал на пол, а она снова подняла его и стала целовать: «Ты пьяный, я тоже пьяная, мы оба с тобой такие пьяные!» Тут шкиперша оторвала его от Ани и прижала к горячему животу: «С маманей тебе нельзя целоваться, а с тетей Катей можно! Хочешь с тетей Катей целоваться?» Он почему-то вспомнил Груньку и сглотнул слюну. И тут Аня вышла из каюты, Надя поднялась вслед за ней. «Чё это они? – удивилась тетя Катя: – Аль ревнуют? Да я ж шуткую!» Аня лежала на своей кровати и даже не повернула головы, когда Клим вошел в каюту. Он присел к ней, и она отодвинулась к стене, чтобы он смог примоститься с краю. «Срам-то какой, – сказала она, – баба над ребенком ляжками трясет, а я ничё сказать не могу: чем я лучше, раз я за этот дебаркадер... Только, Климушка, мне так стыдно было! И не перед отцом, а перед тобой! Только перед тобой!» «Не надо, – сказал он, прижимаясь к ней, – не плачь, я тебя никогда-никогда не разлюблю». Аня погладила его по голове и сказала слабым голосом: «Где там Надька? Иди, побудь с ней, а то мы совсем про нее забыли». Надя стояла у перил и смотрела на пескарей, которые сверху были похожи на длинные камешки. Клим встал в некото-

ром отдалении. «Чё пришел?» – спросила она. «Просто так», – буркнул он. «Тогда уходи, раз просто так!» «А если не просто так?» «Тогда скажи!» «Чё?» «Сам знаешь, чё!» Она по-женски лукаво взглянула на него и вдруг стала похожа на Аню. «Ты... это...» «Ну?» Она подвинулась к нему, и он неожиданно для их обоих чмокнул ее в горячее ухо.

И у них с Надей началась «любовь». Аня ревниво-снисходительно посмеивалась, а шкиперша обзывала Клима изменщиком. Осенью их дебаркадер отбуксировали в затон, и Аня повела своих детей в школу. Они сидели за одной партой и не расставались даже на переменах; привыкшие к ограниченному пространству палуб и кают, оба боялись людей, боялись жизни, боялись насмешек и обидных вопросов об отце. А он появился перед новым годом, коротко стриженный, исхудалый, чужой. Надька с визгом повисла на нем, Аня заплакала, а Клим стоял в стороне, насупившись. Ночью он проснулся от позабытых уже звуков и понял, что все кончилось.

Клим оказался прав и не прав. Началась новая жизнь, но в ней не было Ани. И Надя ему стала теперь просто сестрой, они напрочь забыли свою летнюю «любовь». Клим жил теперь только для себя и старался ничего не замечать: как на глазах увядала Аня, как в Наде все больше появлялось бабьего – не женского, Аниного, а тети-Катиного, одновременно притягательного и отталкивающего; как не по-отцовски жадно смотрел на нее Степан. Клим перестал бояться школы, у него появились друзья; смысленный, аккуратный, он стал любимчиком у своей первой учительницы Татьяны Петровны. Сама она, невысокая, черноволосая, смуглая, ему не очень нравилась: куда ей до Ани, но к его отношению к ней добавлялось мальчишеское преклонение перед ее мужем. Юрий Волохов был самым знаменитым из молодых капитанов, закончивших речное училище и пришедших на смену поколению «практиков», добравшихся до капитанского мостика в лучшем случае к сорока. Он был прост, весел и неотразимо красив в форменном кителе с серебряными погонами, фуражке и кирзовых сапогах. Когда бы теплоход сормовской построй-

ки «Иртыш» ни подходил к лихтеру, на мостике всегда стоял капитан Волохов, а через пять минут он неизменно ступал на палубу лихтера, весело здоровался со Степаном, ласково приветствовал Аню: «Здравствуйте, Анна Сергеевна! Не угостите ли кваском?» Аня смущалась, но не могла скрыть радости: «Ой, да уж у вас-то этого квасу!..» А Клим уже мчался из камбуза с большой кружкой, стремясь не расплескать так полюбившийся молодому капитану настоящий на горелых сухарях напиток. Климу же Волохов советовал учиться на судового механика: «Судоводство ты и так знаешь, с детства вахты стоишь, я тебя все время в бинокль в рубке вижу. Если с машиной будешь на ты, то тебе никакое совмещение не страшно. А то у нас многие капитаны только числятся механиками». Почти в каждом номере бассейновой газеты, кипу которых Степан приносил вместе с получкой, было что-нибудь про Волохова: то пришел на неосвоенный приток, то провёл самый большой плот, то первым перешел на прямое совмещение, став капитаном-механиком. Отец Клима ко всем новшествам относился так, словно рушилось что-то в его собственной жизни: «Ох, и доиграются они вместе с Гавриловым!» Клим уже своим детским умом понимал, что в Степане говорит зависть, но ему не было жалко отца. Тот же был просто влюблен в начальника пароходства Макарова, моложавого и представительного в своей генеральской форме, несмотря на невысокий рост, и почему-то на дух не выносил зама по кадрам, сухопарого и сутулого Гаврилова, инициатора прямого совмещения профессий. А тот везде и всем доказывал, что иного пути нет, да это и понятно было, ведь столько нового флота пришло: финские, чехословацкие и румынские «самоходки», сормовские буксиры, немецкие красавцы-лайнеры. Правда, на пассажирских судах совмещения не было, и там капитан не спускался ниже верхней палубы, где у него была каюта, всем заправляли помощники: старший, пассажирский, по хозяйству. В Речном поселке зимовал только один лайнер, глубокосидящий «Владимир Маяковский»; его капитан, молодой, улыбочивый Сергей Иванович Попов, в глазах Клима был небожителем, пока они не оказались соседями

по новому дому с «удобствами» во дворе...

А лихтер у них был теперь не тот большой, широкозадый, паровой, с кочегарами и матросами, а маленький, похожий на бумажный кораблик, и возили они не уголь на Диксон, а продукты из Южного порта в Северный. Основными «продуктами» были водка и вино, что несказанно радовало Степана: весь рейс даровая выпивка в рамках естественной убыли в соответствии с прейскурантом. И если первые два-три года с ними плавала матроска Вера с малолетним сыном Виталькой, то в год окончания Климом и Надей пятого класса пошли в навигацию одной семьей, чтобы получать «за недостающего», а вся его работа досталась Климу.

К двенадцати годам Клим перерос всех одноклассников, а Надя стала своими пышными формами напоминать Груньку. И голос у нее стал такой же неприятно высокий, «деревенский». Климу же больше молчал и на уроках отвечал тяжелыми фразами с длинными паузами, во время которых он думал. Особенно его манера ответов раздражала ботаничку Зинаиду – первую красавицу Речного, сменившую в поселке двух мужей, причем каждый новый муж был младше предыдущего и самой Зинаиды. Она просто выходила из себя: «Гордеев! Ты сам-то понял, что сказал?» И ставила ему в пример ответы зубрилки Надьки, а та и рада стараться: записалась в юннаты и мыла полы в «живом уголке». Получив в лучшем случае «тройку», Клим медленно садился и исподлобья взглядывал на ботаничку: подумаешь, цаца! Мама-Аня не хуже! И у нее глаза добрые! Ботаничка и это отмечала: «И не надо, Гордеев, смотреть на меня, будто я зверь какой!» И ему всегда хотелось спросить: «А змея – зверь или нет?», потому что в облике Зины было что-то змеиное.

В первый же месяц на лихтере он загорел дочерна, еще больше вытянулся, и, по выражению Нади, стал «тонким, звонким и прозрачным». Она сказала это, фыркнув, когда погрузка водки была закончена, Степан с проводником приступили к дегаустации напитков, а они втроем, переодевшись в самодельные купальники (Аня с Надькой – из двух предметов, Клим – из одного), пошитые Аней из черного сатина, купа-

лись пониже мостков, переброшенных с берега на лихтер. Климу только что вышел из воды и стоял перед ними, голый, не считая узких плавок, мокрый, и Аня, которая в купальнике и без обычной косынки на коротких прямых волосах казалась чуть ли не ровесницей Надьки, подняла на него глаза и сказала мягким голосом, так не похожим на визгливый Надькин: «Клим у нас прямо... как спортсмен!» Тут-то Надя и сказала, какой он. Климу хотел возразить, что вовсе он не тонкий-звонкий, а сильный и взрослый, работает на учалке наравне с отцом, стоит за Аню ночные вахты, подтягивается на турнике, но опустившись между ними на песок – справа белое рыхлое плечо сестры, слева Анино, крепкое, загорелое, гладкое, буркнул: «Ты зато – нас с маманей перевесишь!» Аня лицемерно хохотнула: «Я в ее годы еще толще была!» Надька вскочила на свои ножки-коротышки: «Ага, значит, я толстая? А вы... вы... вы... – От возмущения она даже потеряла дар речи. – Вы прямо как эти... как полюбовники!» Выпалив это, она с шумом и брызгами бросилась в воду и поплыла некрасиво, по-собачьи, как плавают большинство виденных Климом на воде женщин. Климу и Ане смотрели на нее и неловко молчали, наконец, Аня сказала, словно оправдываясь: «А я никогда толстой не была. И загорала быстро, меня так и звали: Анька копченая. И нашу речку быстрее мальчишек переплывала. – Помолчав, ненатурально засмеялась: – В полюбовники вот записала!..» Искоса взглянула на него, но он не повернулся к ней и ничего не сказал, подумав, что, конечно, Надьке обидно, раз он ее не любит так, как Аню, но разве он виноват, что Аня лучше всех? Аня, словно прочитав его мысли, поднялась и, будто красуясь перед ним, поправила лифчик, повязала белую косынку, а он увидел рыжие заросли ее подмышек и вдруг вспомнил Груньку... «Пойду я, – сказала она, не глядя на него, – Степан уж там распахивался, поди. А ты с Надькой уж как-то... Чтоб не болтала зря. – Двинувшись к мосткам, бросила через плечо: – Любит она тебя, вот и бесится». То, что она назвала отца по имени, а на него старалась не смотреть, заставило Клима понять: что-то закончилось у них сегодня с Аней, он уже не ребенок, вон как Аня взглянула на него, когда он

выходил из воды! И он пошел к Надежде и увидел, как радостно вспыхнули ее глаза...

Больше купаться вместе им в это лето не довелось: был долгий и длинный рейс, в котором сначала мучили жара и комары, потом попали в сильный ветер и шторм, а в Северном порту скопилась к их приходу очередь из более чем ста грузовых судов. Степан с проводником, выпив всю норму, полагающуюся по естественной убыли виноводочных изделий, занялись рыбалкой, забрасывая переметы прямо с кормы лихтера, и Аня замучилась чистить и жарить всех этих чиров и сигов. Клим стоял все ночные вахты, только ночи на севере как таковой не было, да и рейд не спал: словно автомашины по улицам и переулкам, сновали между лихтерами и самоходками рейдовые теплоходы и служебные катера, речники перекликались, даже не пользуясь рупором, а в тихую погоду ездил друг другу в гости на шлюпках. Утро наступало незаметно, и Клим всегда говорил входившей в рубку Ане: «Чё так рано? Спала бы еще!» Аню, видимо, такая «забота» не очень радовала, и она садилась на диванчик и начинала обсуждать с ним будущий день: что готовить на завтрак, обед и ужин, что заказать отцу, если тот поедет на берег, что надо сделать по судну... Такой порядок – обсуждать все вопросы не со Степаном, а с Климом, словно он был главой семьи и шкипером, завелся чуть ли с начала навигации, но теперь это почему-то не радовало, а раздражало Клима. «А давай испечем рыбный пирог, – говорила Аня, – только ты рыбу почистишь и кости вынь». Он слушал Аню, и ему становилось все обиднее, словно до сих пор Аня обманывала его и притворялась, а теперь он раскрыл ее обман, и жалко себя до слез. И Аню ему было тоже жаль, ведь он ни кого не любил так, как ее, но ему больше нельзя любить Аню.

В обратный рейс пошли в начале августа, намаявшись бездельем и безночием. Караван вел тезка, «Клим Ворошилов», и Степан на учалке за ручку поздоровался с капитаном, тем самым Марковым, высоким, чуть сутуловатым, с темным морщинистым лицом, в вылинявшей, но настоящей морской фуражке. А свою мачеху Клим случайно застал беседующей с первым штурманом

– коренастым и рыжим. Климу показалось, что тот как бы в чем-то оправдывается перед Аней, но подойти ближе и подслушать, о чем они говорят, ему и в голову не пришло. И Аню он потом ни о чем не спрашивал.

В Южном порту грузились на городском участке, и это было удобно тем, что можно каждый день ходить в город, кататься на автобусах, есть мороженое, пить вкусный морс. В рейс вышли в самом конце августа, и повел их капитан Волохов. Его «Иртыш» подошел и встал у борта лихтера, ожидая, пока грузчики закроют люки, а Степан примет и оформит документы. Климу захотелось повидаться с любимым капитаном, но тот рассеянно кивнул ему и ушел в диспетчерскую – на этот раз не в сапогах, а в ботинках и без погон, потому что их отменили. Клим шел по борту вдоль «Иртыша», и тут услышал сверху: «А я тебя знаю!» Он поднял голову и увидел на капитанском мостике девочку лет десяти с глазами разбойницы. «Ты у моей мамы учился!» И тут за спиной девочки возникла его бывшая учительница Татьяна Петровна, в светлом платье казавшаяся еще более некрасивой: «Вот так встреча!» «Здравствуйте, Татьяна Петровна!» «Здравствуй, Клим! А это Вика, она пойдет в четвертый класс, ты ее должен знать: она во всех праздничных мероприятиях участвовала!» Клим взглянул на девочку: убей бог лопатой, он видит ее первый раз в жизни, а девочка вдруг встала в балетную позицию и сделала поклон. «По школе не соскучился?» Он вспомнил Зинаиду и кивнул головой, что можно было понимать и так и эдак. «Так что скоро встретимся! – жизнерадостно сообщила Татьяна Петровна. – И вас ждет сюрприз, хотелось бы надеяться – приятный!»

Сюрпризом оказалось то, что Татьяна Петровна, добавив к педучилищу заочно законченный институт, стала преподавать у них географию, заменив директора, чьи уроки больше напоминали выступления на линейке. После первого же урока она попросила его стать ее помощником, а вскоре подарила ему огромную карту мира, и он повесил ее над своей кроватью. Его избрали старостой краеведческого кружка, он делал доклады об освоении Сибири, после которых Татьяна Петровна говорила,

что многие приведенные им сведения ей неизвестны. Клим стало становиться неловко за учительницу, словно бы она признавалась в чем-то стыдном, но он старался еще больше, в глубине души надеясь, что молва о его успехах дойдет до Зинаиды, и та пожалеет, что не взяла его в свой юннатский кружок... В этой борьбе за признание Клим словно бы выпал из семьи, уйдя в учебу и книги, отдалился от одноклассников и даже в новогоднюю ночь не собирался с ними «шляться» у елки и катушки. И тут получил неожиданное приглашение – от Татьяны Петровны: «Мы с Юрием Васильевичем уйдем к друзьям, а у нас соберутся Вика с одноклассниками, и ты, – она засмеялась, на смуглых щеках появились ямочки, которые, однако, не украсили ее, – ты у них будешь старший!» Вику, после того, как они «познакомились» в Южном порту, теперь ему приходилось видеть часто, она выступала на каждом школьном вечере со стихами, с танцами, в спортивных номерах. Мимо него она проходила, вздернув голову, и он отмечал ее необыкновенно прямую осанку и кошачью походку. Клим пришел в квартиру Волоховых в новом доме, которую дали Волохову вместе с должностью парторга, и Клима поначалу поразил неприятный запах, который он объяснил себе тем, что выгребную яму давно не очищали, но потом оказалось, что так пахнут настоящие котлеты... Детей было четверо, они с Викторией и еще девочка с мальчиком из Викиного класса. Девочка оказалась ботанической дочкой, страшенькой, совсем не в маму, зато улыбка у нее была доброй, а глаза лучились радостью. Они поели котлет, чокаясь бокалами с лимонадом, потом стали танцевать вокруг елки. Клим уже перестал обращать внимание на запах, потому что был полностью поглощен Викторией, которая на сером фоне ее подружки показалась ему высокой, красивой, взрослой, уверенной в себе, и он забыл Надю, забыл Аню. Незадолго до двенадцати появились Дед Мороз со Снегурочкой и старшие Волоховы. Долговязый «Дед Мороз», вручив всем четверым детям одинаковые завкомовские подарки – по большому кулечку с яблоками и конфетами, с гулким хлопком откупорил бутылку настоящего шампанского и стал разливать по бокалам, а «Снегурочка», в красивой, но явно тес-

новатой ей ниже тонкой девичьей талии, шубке, держала его руку и приговаривала голосом ботанички: «Только по чуть-чуть! Это же дети!» А потом все пошли на елку, поставленную и наряженную возле школы: дети, Волоховы и переодевшаяся в обычную зимнюю одежду ботаничка Зина со своим третьим мужем, начальником инспекции Регистра, которого Клим обычно видел на стадионе выписывающем круги в настоящем костюме конькобежца и на настоящих беговых коньках. У елки Клим встретил одноклассников, но даже не подошел к ним. Он не отходил от Вики ни на шаг, и ей, судя по сияющим глазам, нравилось это. Они много раз съехали с горки на оленьей шкуре, которую прихватили с собой; остальные же катались кто на чем, и они мчались быстрее всех и уносились дальше всех, к самой шоссейке. В один из съездов их занесло, и, выбираясь из сугроба, они вдруг оказались в объятиях друг друга, и он совсем рядом увидел ее счастливые глаза и не смог удержаться, чтобы не прижаться губами к ее холодным губам... И тут грянул хор: «Тили-Тили тесто! Жених и невеста!» Над ними стояли их одноклассники, грубые, некрасивые в своих порванных шубейках, толсто подшитых валенках, широких суконных шароварах (шкерах). И Надя, его неродная сестра, была с ними и кричала громче и противнее всех. А ботаничка Зинаида стояла рядом с Татьяной Петровной и все что-то говорила и говорила и с явным неодобрением кивала в их сторону.

Вика, прощаясь, сказала ему, что они уезжают в санаторий на две недели. Он сначала расстроился, а потом сказал себе, что Вика все равно будет с ним, раз он будет думать о ней. Все каникулы он провел дома, а Надя, наоборот, носилась с одноклассниками по всему поселку в таких же шкерах, телогрейке и шапке, какие были на ребятах: ей нравилось быть ШП («швой парень»). А он занимался домашними делами; так уж повелось в их семье, что он помогал Ане во всем и делал не только мужскую (носил воду, колот дрова, топил печку, выносил помой), но и женскую работу, вплоть до мытья посуды и готовки, а Надиной обязанностью было раз в неделю мыть полы с некрасиво выпяченным задом в теплых сиреневых трусах. После ухода Степана с Аней на работу, а Нади

«в бега», он делал уборку, спускался в сарай и колол дрова, потом топил печку и варил щи: опускал в кастрюлю с водой кусок замороженной свинины и миску мерзлой квашеной капусты и лишь потом уже чистил, резал кубиком и запускал картошку. Рацион у них был довольно однообразный, но голодными они не были никогда. ОПС обеспечивал речников тушенкой, сгущенкой, маслом, мукой, макаронами, крупами; с севера привозили соленого сига и чира, Степан менял у остяков на водку и пробковые пояса осетра, покупал по дешевке ряпушку и тугунка. На деревянных баржах многие держали свиней, на железном лихтере это было исключено, но Степан нашел выход: по весне он ездил в ближний колхоз, закупал поросенка и сдавал его на откорм, снабжая «откормителей» дефицитным комбикормом, который на севере продавался совершенно свободно. Перед октябрьскими праздниками отец уезжал в колхоз с рыбой, а возвращался с разделанной тушей борова, картошкой и капустой.

Приходил Степан, с шумом съедал тарелку щей, густо поперчив, и кусок мяса, макая его в тарелку с солью, потом он полчаса пил крепкий чай, курил, отдыхал и шел снова в завод; все это происходило молча, да Клим безмерно удивился бы, заговори с ним отец о своих делах или спроси про Климовы. Аня обедать не приходила. Она работала в караванном цехе, и они с «девками» варили в теплушке на плите картошку, а то и пельмени, разогревали борщ, кипятили чай. «Ой, – рассказывала она поздно вечером, приготовив, как обычно картошку с мясом или заправив ее тушенкой, – а мы с девками сегодня всю дорогу убрали. Гусев, караванный начальник, аж глазам не поверил: Аннушка, говорит, – а он всегда меня так называет, – это как же вы так? А вот так, говорю: бери больше и кидай дальше!» Клим знал Гусева, веселого толстяка из бывших шкиперов. Отец, выпив вечернюю норму, становился веселее и разговорчивее: «А меня Осипов, начальник цеха, все в партию блатует: ты, говорит, Степан, и шкипер не из последних, и плотник такой, что любую работу поручить можно...» Клим видел и Осипова: вот он стоит на крыльце магазина – солидный, серьезный, в дорогой шубе и шапке с кожаным верхом, в белых бур-

ках и постукивает папироской о коробку «Казбека». Но Климу не очень интересно было слушать про Гусева да Осипова; после посещения дома Волоховых он чувствовал себя приближенным к самому высшему кругу, и его интерес к Вике объяснялся не только ее красивой осанкой и сияющими глазами. И ложасть спать, он продолжал думать о Вике: как они встретятся, и он скажет ей все. Но однажды ему приснилась Аня, и он понял, что никогда не сможет сказать невинной и чистой Вике всего, ведь тогда придется признаться, что ему нравилось слушать Груньку, что с Надей они играли в жениха и невесту, что он подглядывал за Аней, а сегодня увидел ее в таком стыдном сне... И тут ему захотелось увидеть Аню и спросить: что же с ним произошло, ведь она же мама-Аня, она все ему объяснит.

Осенью они совершенно неожиданно для всех (но он-то знал, что это Аня «постаралась») получили трехкомнатную квартиру, и у них с Надей было по комнате. Он подошел к двери родительской спальни и тихо позвал: «Аня!» И она услышала и вышла – босиком, с распущенными волосами, в короткой белой сорочке. Они прошли в его комнату, и она сразу поняла все, что он хотел ей рассказать, и крепко-крепко обняла его: «Ну вот, ты уже стал совсем взрослый!» «И мы можем пожениться?» «Я думала, ты забыл!» «Я не забыл, просто стало все по-другому, – признался он, – а теперь ты снова – моя невеста!» «Эх ты, жених! А я то радуюсь, – шептала Аня, – что ты на меня ноль внимания, то хоть реви!» «Я теперь навсегда с тобой», – шептал Клим. «Ну уж – навсегда! Уедешь учиться, женишься!» «Нет, я не уеду! Через год пойду в ремесло, потом приму лихтер, и мы с тобой будем вдвоем плавать!» «Дурачок! – смеялась Аня. – Ты знаешь, что мне уже тридцать лет?» «Ну и что! Ты самая молодая и красивая! Ты даже лучше Зинаиды Марковны! Знаешь, как я был рад, когда ты на собрание в школу пришла!» «А я специально нарядилась! Даже губы покрасила!» «А все равно, – сказал Клим, – дома ты лучше! И губы больше не крась». Аня вздохнула: «Отцу тоже не понравилось...»

С Викой они учились в разных сме-нах, поэтому ему даже не пришлось прятаться и избегать ее. Но Татьяна Пе-

тровна однажды попросила его остаться после уроков и спросила тихо, глядя в замерзшее окно, за которым наступили ранние сумерки, почему он не приходит к ним, Вика все время спрашивает про него... Он молчал, уставившись на тупые носы своих пимов, и она сама ответила за него: «Это из-за Нади, да? Мне совсем недавно Юра... Юрий Васильевич, сказал, что вы с ней неродные. И я все поняла, Клим. – Она повернулась к нему с искаженным неловкой улыбкой лицом. – Это я во всем виновата, мне так хотелось, чтобы ты подружился с Викой». Он не видел Вику весь январь и февраль, но как-то в начале марта черт дернул его заглянуть в пионерскую комнату, из которой доносились музыка и голоса. Там шла репетиция, и Вика, в ярком русском костюме, шла в танце своим неповторимым шагом, откинув голову. Он застыл на пороге, она взглянула на него и стала оседать на пол, закатив глаза. Девчонки забегали – кто в учительскую, кто за водой, кто за аптечкой, и одна из них сильно и грубо вытолкнула Клима в коридор... Татьяна Петровна сказала ему потом, чтобы он не беспокоился, это не из-за него, просто у нее впервые наступило такое время. Он вспомнил, как это болезненно и неприятно происходит с Надей, и ему до слез жаль стало ту Вику, которой уже никогда не будет.

Шестой класс он кончил со скандалом. Татьяна Петровна, ставшая к тому же их классным руководителем, организовала с литераторшей конкурс лучших сочинений на самые разные темы, и Климу присудили бы первую премию, если б литераторша не обнаружила, что весь текст сочинения про трагическую гибель исследователей Севера Василия и Марии Прончищевых слово в слово списан из книжки. Премию, книгу Паустовского «Золотая роза», – то ли в утешение, то ли в насмешку над Климом, – вручили Наде за ее сочинение на «Севере дальнем», которое он написал без всякого списывания. В последний день учебы, с барабанным боем и с пионерскими знаменами, пришли на поляну за поселком и устроили праздник, которому один Клим был не рад, и вовсе не потому, что раскрылся его плагиат. И Татьяна Петровна морщилась, будто у нее болели зубы, и вдруг подошла к нему и позвала для разговора, и

они пошли к берегу затона, тяжело и согласно, словно скованные цепью. «Я понимаю, это протест, месть, но против чего и за что? За то, что я полюбила тебя, как сына? За это?» – спросила Татьяна Петровна и некрасиво, как делала все, заплакала. Он молчал, потому что не мог же сказать: за то, что вы лезете ко мне со своей любовью, и меня стало тошнить от нее и от вас, и Вики вашей мне не надо, мне никого не надо, кончу школу и уеду, и пропадите вы пропадом. Она отвернулась, и он тоскливо и невыразительно, как по шпаргалке, пробубнил в ее некрасивую спину: «Простите, Татьяна Петровна, я больше не буду!» Она обернулась, подскочила к нему, взяла его руки в свои, оказавшиеся горячими и сухими; ее глаза, омытые слезами, сияли: «Я же знала! Я верила в тебя! Ты же такой!..» И неожиданно стала осыпать его лицо поцелуями, а он вдруг подумал, что все это происходит не в жизни, а в кино – то ли из дореволюционной, то ли из зарубежной жизни: богатая барыня, бедный родственник...

На лихтере он много читал. Но не те одинаково толстые и скучные книги – про революцию, войну, колхозы, стройки и заводы, что Степан брал на культбазе, а тонкие, в бумажных обложках, брошюры местного издательства. Авторы были разные: летчик, хирург, моряк, артист, молодые писатели, и писали о разном: о работе, о природе, об интересных людях, но было в написанном что-то общее, волнующее Клима, близкое и родное ему. Книг «про любовь» было немного, всего две-три, и после каждой Климу становилось словно бы легче дышать, он будто воспарял над землей и водой, над суетой и обыденностью; прочитав, он долго листал и просматривал книгу, словно хотел найти какой-то секретный механизм, особенно внимательно просматривал выходные данные и, наконец, обнаружил замечательную закономерность: редактором всех книг была С.А.Луговская. Клим вдруг понял, что родственность ему всех этих брошюрок связана с этой женщиной; это она вдохнула в них то, что оказалось нужным ему, Климу. И он стал думать о ней, какая она, на кого похожа, и мечтать, что когда-нибудь он придет в издательство по указанному адресу: проспект Сталина, 64 – это же в самом центре, чтобы увидеть ее. Ему

хотелось, чтобы это произошло зимой, и чтобы они вместе встретили Новый год у теплой печки-голландки. Рассказ о встрече Нового года у печки-голландки был в одной из книжек, отредактированных Луговской.

Весной они с Надей остались сдавать экзамены за седьмой класс. Уходя в рейс, отец почему-то закрыл все комнаты на ключ, и они жили на кухне, где у Нади была узкая железная кровать, а Клим размещался на ночь на продуктовый ларь. Близость расцветающего женского тела все больше беспокоила Клим, каждый раз он долго не мог заснуть, а однажды спросил: «А ты помнишь?» Надя молчала. «Помнишь, как на дебаркадере?» «А что на дебаркадере?» Клим удивился ее безразличному ответу: ведь на дебаркадере они были так счастливы! Он отвернулся к стенке, обиженный, а она вдруг похвасталась: «А папка сказал, что женится на мне, когда мамка умрет». «Как умрет?» Надя пожала плечами: «Ну, утонет или от болезни. Вон тетя Катя же умерла». «А тебе что, не жалко маму?» «Почему не жалко? Знаешь, как я плакать буду!» А Клим подумал, что без Ани он не проживет и дня.

Они сдали экзамены и догнали свой лихтер, который, как показалось Климу, стал еще меньше. Надя, жутко покраснев, подошла к отчиму, а Клим стоял и смотрел на Аню. Спать Клима и Надю отец отправил в одну каюту: «Нет у меня для вас отдельных помещениев!» Клим пожал плечами: «Да мне все равно на вахту». «Успеешь еще, навахтишься!» – резко оборвал его Степан. Аня взглянула на него долгим взглядом, но ничего не сказала, а у Клима бешено забилось сердце... К завтраку Надя вышла с видом победительницы. Степан одобрительно крякнул, а Клим и Аня старались не глядеть друг на друга. Вечером Аня вдруг позвала его: «Пойдемка, поможешь». Она завела его в кладовку, где стояли ведра с краской, валялись мотки веревок, лежали новые матрацы: «Ну что? Понравилось тебе с Надькой?» Он молчал, опустив глаза, а она вдруг привлекла его к себе и жарко зашептала: «Не казлись! Это все отец придумал, чтобы не первым быть, а как спихнет меня за борт, так и женится на ней! Только и для нас пришла пора, сол-

нышко мое!» ...Ночью Клим проснулся в жуткой тревоге. Ему показалось, что он услышал Анин голос, она звала его. Он поднялся. Кровать Нади была пуста. Он вышел на палубу, в светлую северную ночь. Стояла тишина, только журчала вода у борта. Клим поднялся в рубку, но там Ани не оказалось. Он спустился на палубу, заглянул на камбуз, в галюн, потом постучался в дверь шкиперской каюты. Отец просунул голову в узкий проем: «Чё тебе?» «А где маманя?» «В рубке твоя маманя, вахта у нее». И Клим все понял: на матраце, пахнущем рогожей, Аня прощалась с ним, она отдала ему себя до конца, и больше ей не с чем и незачем было жить. И он горько заплакал.

Тело Ани нашли рыбаки. Ее похоронили в Северном порту, на горе, за угольным причалом. В Южный порт лихтер пришел в конце июля, и Клим сдал документы в речное училище в последний день их приема.

Глава вторая

Клим легко вошел в училищную жизнь, в которой с курсантами обращались, как с взрослыми: строго, но уважительно; ходил строем на парадах, бегал в кино и на танцы. В Речное, где отец и Надя фактически стали мужем и женой, он приехал на зимние каникулы и уже через день пожалел об этом: здесь все напоминало Аню, но самой ее не было. Его спасли книги, которые он накупил на свои сбережения в местном киоске: стихи Аллы Гольдберг, несколько выпусков «Роман-газеты», томик Куприна; после «Поединка» он стал думать о себе в третьем лице, на ромашовский манер, а в книге стихов его поразил портрет автора – светлоглазой женщины с прямыми волосами: на единственной фотографии, которая осталась от Ани, у нее тоже были светлые глаза и короткие волосы. Летом они проходили первую практику на «Климе Ворошилове», только там уже не было ни капитана Маркова, ни рыжего старпома. В Северном порту он пошел на кладбище, но могилу Ани не нашел. Зато, когда проходили мимо места зимовки «Клима Ворошилова» с тем караваном, с борта теплохода хорошо был виден памятник, который они установили с отцом на могиле его матери. И он стал думать, что

Аня – его настоящая мать и похоронена здесь, на месте его рождения.

На втором курсе у них появилась новая классная. Ее звали Софья Андреевна, фамилия – Луговская. Курсанты, «проходившие» Лермонтова, тут же прозвали ее княгиней Лиговской, но Климу, вспомнившему книжки-брошюрки, это не понравилось, по повести княгиня была пожилой, манерной, толстой, с красными пятнами на лице, а к ним в класс стремительной походкой входила стройная красивая женщина с глубокими глазами и гладкой матовой кожей на лице без единой морщинки, одетая просто, чаще всего во что-то вязанное, длинное, ниспадающее, но тем легче ее было представить в платье светской красавицы, – из-за таких стрелялись и вызывали на дуэль. Подлинные имя-отчество ему тоже не нравились, не зря великий писатель сбежал от женщины с таким именем, Климу стал про себя звать ее Соней, как звал свою кормилицу Аней. С приходом Сони у них началась новая жизнь: они ходили в театры, устраивали литературно-музыкальные вечера, выпускали стенгазету; Соня учила их танцевать, и у Клима от близости прекрасной женщины, от чудесного запаха духов, от вальсирования кружилась голова, а еще говорила с ними на английском и немецком: «Вы – будущие офицеры флота, а офицеры в России всегда отличались высокой культурой: говорили на иностранных языках, прекрасно танцевали, писали стихи, изящно ухаживали за дамами. Для меня примером был мой отец, капитан первого ранга Андрей Луговской!» И тут Климу, в силу своего многолетнего и беспорядочного чтения имевший о русских офицерах не такое благостное впечатление, поднял руку: «Разрешите, Софья Андреевна?» Она кивнула, он встал «Вот вы сказали, какие они были культурные. А Грушницкий?..» Соня грустно улыбнулась: «Грушницкий – юнкер, по сути, еще мальчик!» «Хорошо, а в повести “Поединок” Куприн показывает взрослых офицеров, какие они неинтересные, как они плохо относятся к службе, как напиваются, как с женщинами...» Соня подняла руки к запястьям щекам и вдруг стала похожа на княгиню Лиговскую: «А как бы ты сам ответил на этот вопрос?» «Я бы ответил так! – отчеканил Климу: – Главное в офицере

– верность: своему делу, своему долгу, своей семье, своей родине». И Соня подхватила и развила его мысль, что Климу Гордееву во многом прав, ведь Октябрьская революция произошла не случайно, и советским офицерам надо брать все самое лучшее из прошлого нашей родины. После классного часа Климу осталось сидеть на своем месте. Он знал, что Соня захочет поговорить с ним. И она присела за парту перед ним, и он опять услышал тот запах духов, от которого у него кружилась голова. «Тебе нравится Куприн?» Климу кивнул. «А “Гранатовый браслет” ты читал?» «Мне больше нравится радиопостановка...» «Да-да! – воскликнула Соня. – Мне тоже нравится ее слушать! Помнишь, там в финале такая музыка...» «Ларго Аппассионато...» «...и эти слова: Да святится имя твое... Ты обо мне помнишь? Помнишь? Помнишь?» Глаза ее ярко блеснули, и Климу опустил голову, а она уже вскочила на ноги с веселой улыбкой: «The lesson is over! Все по домам! Ты ведь в экипаже живешь?» «В экипаже». «Я тебя приглашаю на прогулку! Тебе полезно прогуляться после занятий, подышать свежим воздухом!» Однако воздух оказался по-зимнему прогорклым, а дороги обледеневшими и неудобными для прогулок, особенно в высоких ботинках, какие были на Соне. И ей пришлось тут же вцепиться в Климу. «Еще хотела с утра валенки надеть, – сообщила она ему, посмеиваясь, – да не надела». «Порвались?» – простодушно поинтересовался Климу. Соня засмеялась, закашлялась, замахала на Климу рукой в вязаной варежке: «Ой, господи!.. Давно так не смеялась!» «А мне мама говорила: вот насмеюсь, а потом плакать буду». «Я свое отплакала...» Тем временем они вышли на улицу имени Академика Шмидта, на которой Климу раньше никогда не бывал: широкая мостовая, большие дома. И Соня поняла его настроение: «Я, когда увидела эту улицу впервые, вдруг почувствовала себя дома, в Ленинграде. И еще – такое название! Я же Отто Юльевича столько раз видела!» «Шмидт – это который с бородой на лыдине?» Соня вздохнула: «Для вас, молодых, тридцать лет кажутся веком! А Отто Юльевичу было в то время всего сорок лет. И умер он только два года назад, в шестьдесят пять, для мужчины это не возраст». «А для жен-

щины?» «Для женщины, – рассмеялась Соня, – тем более! Я же почему валенки не надела? Потому что я в них некрасивая!» Клим помотал головой: «Нет, вы всегда... красивая!» «Вот видишь, как я тонко и ненавязчиво напросилась на комплимент! – веселилась Соня. – Спасибо! Ты мне очень нравишься!» Остановились возле одного из домов. «Здесь я живу». «А где ваши окна?» Соня снова рассмеялась. «Клим! – Она впервые назвала его по имени. – Ты не обознался часом? Я же не твоя подружка!» «А у меня нет никаких подружек, – сказал Клим. – У меня никого нет». Соня помолчала, потом показала рукой в варежке: «Видишь два окна и балкон на четвертом этаже?» «Где елка?» «Где елка. – И вдруг спросила, наверняка зная ответ: – А ты на Новый год домой поедешь?» Он помотал головой: «Нет. Там... еще хуже».

И она ничего не спросила, потому что поняла почти все, а тридцать первого декабря пришла в экипаж: «Собирайся! Поможешь мне с покупками!» На этот раз она была в валенках и выглядела рядом с Климом совсем маленькой. Они прошли по заполненным народом магазинам и, обвешанные авоськами, как елка игрушками, поднялись в ее квартиру, где их встретили три черных кота: большой, средний и совсем маленький. «Ты бы видел, Клим! – воскликнула Соня. – Ты бы видел, какими я их подбирала: грязные, тощие, больные, а сейчас вон какие красавцы!» И Клим прямо здесь, в прихожей, под вешалкой, разревелся: «Вы меня так же... подобрали?» И Соня, сняв только один валенок, наклонила его за шею к себе и погладила по голове: «Ты подумал, что я тебя пожалела, и обиделся? А разве это плохо, когда жалеют? Я, наоборот, хочу, чтобы меня пожалели!» «Я вас очень... жалею!» «Правда? Тогда все в порядке! Пошли накрывать на стол! Скоро гости придут!» Клим замер: «Гости?» «А ты думал, что мы с тобой будем вдвоем?» Он покачал головой: «Нет. С котами». Они разделись и понесли авоськи на кухню, и Соня объясняла на ходу: «Новый год – семейный праздник, и ко мне придут дочь с зятем и внучка». «Внучка?!» «Да, Клим, я уже десять лет, как бабушка!»

Гости появились в масках: Дед Мороз, и две Снегурочки, постарше и по-

младше; дочь Наталья, высокая, кудрявая, и без маски не могла выйти из роли, зато Сониная внучка Юлька стала всех строить, прежде всего, младшего из котов, который прыгал на елку: «Барсик, веди себя прилично! Ты уже не уличный кот, которого подобрали и ввели в приличный дом!» Клим жутко, до слез покраснел и отвернулся к книжным полкам. А там было на что посмотреть! И классика, и современные авторы! А вот Генрих Белль, Веркор, Грэм Грин, Альберто Моравиа!.. Хемингуэй!!! Подошел зять, Виталий, в котором Клим без особого удивления: он уже знал, что мир очень тесен, узнал бывшего старпома с «Клима Ворошилова»: «Здесь только часть собранного Константином Петровичем и Софьей Андреевной, им пришлось много переезжать». За их спиной возникла Юлька, ткнула пальчиком в такой знакомый Климу переплет с такой знакомой фамилий: «Я тоже буду поэтом, как Аля!» «Поэтессой», – поправил Клим с улыбкой. «Нет, поэтом! Аля сказала, что поэтессы жили до революции!» И важно удалилась. «Софья Андреевна и Алла Гольдберг закончили Ленинградский университет, Аля стала известной поэтессой...» «Поэтом!» – улыбнулся Клим. «... И той и другой досталось в жизни. Не знаешь, кому больше. У Али трое детей умерли, с мужьями не повезло, а у Софьи Андреевны мужа, капитана дальнего плавания Маркова, арестовали, сослали, она с Наташей приехала к нему на поселение, жили на севере, в бараках, балках. Он и здесь на флоте работал, начал с рулевого, дошел до капитана, подал на пересмотр, его полностью оправдали, думали возвращаться в Ленинград, а тут война... В сорок втором он зазимовал с караваном, я у него третьим штурманом был. Весной баржи спасти не удалось, его снова посадили, правда, скоро выпустили, и он снова поднялся до капитана. – Виталий помолчал. – А нынче мы его похоронили». «Я в рейсе был, как раз на “Климе Ворошилове”. Все выстроились, флаг спустили и гудок дали». Виталий вздохнул: «И осталась Софья Андреевна одна. А мы ей только-только пятьдесят отметили! Из издательства уволилась, на живую работу пошла, к вам в речное училище». В это время самый малый и самый шустрый из котов запрыгнул Ви-

талию на плечо. Тот улыбнулся: «Кошек вот подбирает!» Клим потупился. «Мужчины! – донеслось из кухни, и Клим не смог разобрать, чей это голос, Сони, Натальи или Юльки: – Помочь не хотите?» В середине первого, прожив полчаса в новом году, Клим засобирился в экипаж. Соня всплеснула руками: «Вот те раз! А зачем я тебя танцевать учила?» Виталий включил радиолу, и Клим пригласил Соню на танец. Она в туфлях на каблуках, а он в суконных ботинках были почти одного роста, и он смотрел в ее глубокие глаза и думал: ну и что, что Соне пятьдесят, а ему пятнадцать, он все равно любит ее, с тех первых брошюрок, и будет любить всегда... Он проснулся на диване под елкой. Рядом с ним, удовлетворенно похрюкивая, спал средний из черных обитателей Сониной квартиры. Судя по светлomu окну и позвякиванию ложек на кухне, был уже день, первый день пятьдесят девятого года. Он сел и потянулся за брюками, висевшими на спинке стула. Кот укоризненно посмотрел на него и переместился на его место. Клим оделся, оправился, но выходить не спешил. Соня сама появилась в дверях. Она была в плотной юбке и длинном свитере с высоким горлом, с чуть растрепанными волосами, в полусумраке похожая на девочку. «Доброе утро, Клим! С Новым годом!» «С Новым годом, Со... Софья Андреевна, – ответил Клим. – Мне так стыдно, можно я на колени встану?» «Ты уже стоял на коленях». «Когда?» «Когда мы с тобой станцевали вальс, фокстрот и танго». «Я – танго?...» «И неплохо! Ты даже пытался поднять меня на руки». Клим взглянул на Соню с ужасом: «Поднял?» «Уронил! Но не стал поднимать, а прямо на полу назвал меня Соней, предложил мне руку и сердце, Наталью с Виталием обещал усыновить, а Юлька обиделась и сказала, что на бабушках не женятся, пусть лучше Клим женится на ней». Клим застонал и закрыл лицо руками. «Не переживай! Хмель молодцу не в укор!» «А где все?» «Мы встретили Новый год по ленинградскому времени, я позвонила Але, Виталий заказал такси, и они уехали». «Они... плохо про меня?» «Почему? Разве это плохо, когда человек говорит о любви?» И тут он признался, что три года мечтал встретиться с ней Новый год. Соня просияла, услышав про книжки: «Я же их все – пе-

реписала! Как будто – себя!» «Прозрачной литой прозой», – процитировал он. «Ты читал “Золотую розу”? – И, словно в осуждение, покачала головой: – Ну что за мальчик! Это не роза золотая, а ты – золотой!» И снова покачала головой: «А меня Паустовский обманул: наобещал, обнадежил, а как дошло до дела...» «Вы его знали?» Тут Соня словно очнулась: «А ты что подумал? Господи! Да я же о его книгах!» Потом она поила его кофе с пирожными, до которых ночью у него не дошли руки, вернее, ноги, и объяснила ему, что с ним происходит: «Тебе захотелось того же, чего хочется всем: тепла, доброты, любви...» И, словно сговорившись, они взглянули на старшего кота, который сидел на табуретке и умильно смотрел на хозяйку. «Но я же не кошка! – выкрикнул Клим. – А вы!.. Зачем вы меня пригласили? Я же теперь... Мне же теперь...» «А я? Как мне теперь? – тихо спросила Соня и подняла на него глаза с черными полукружиями. – Я же всю ночь не спала, мне давно так хорошо не было, потому что ты был здесь, ты спал на моем диване и казался мне то сказочным принцем из моего детства, то юным кадетом, моим несостоявшимся женихом, то моим сыном, который вовсе не умер, а вырос красивым, талантливым, добрым... Я очень любила своего мужа, с его смертью я потеряла все. Но он был старше меня почти на двадцать лет, он был мне как отец, я и была с ним, потому что он похож на папу, но мы не смогли чего-то преодолеть, он не был моим любимым мужчиной, у меня никогда не было любимого мужчины. Только однажды... В сорок четвертом я приехала к нему, и мне разрешили быть с ним в комнате свиданий три дня. Целых три дня, которые мы превратили в одну длинную ночь, ночь любви, ночь счастья, ночь сострадания... Аля не раз мне говорила, что наш мир спасет не красота, и даже не любовь, а только – страдание. А я бы сказала: сострадание. Оно спасло нас тогда, в те необыкновенные три дня. Я не хотела, чтобы они закончились просто так, я хотела сына, я совсем забыла и забросила Наташу, я жила только воспоминаниями о тех трех днях и мечтой о сыне. И когда плод нашей любви родился мертвым – умерло то, что связывало нас с Константином Петровичем как мужчину и женщину. И так было пятнад-

цать лет, целых пятнадцать лет!.. Я тебе рассказываю это, потому что увидела в тебе мужчину. Для меня мужчина тот, кто любит и умеет любить! Мужчиной можно стать, только полюбив женщину!» «Такую, как вы?» И Соня вскочила и заходила по кухне упругой пружинистой походкой. «Да, Клим! Такую, как я! Я столько лет ждала! Я столько лет страдала! Во мне столько накопилось! Я бы столько могла дать!» Клим поднялся и встал на ее пути: «Если вам нужна моя жизнь...» «Да, Клим! Нужна! – Обняла его и склонила голову к его плечу. – А сейчас – уходи!»

На зимних каникулах Клим ушел в лыжный поход по районам области. Выходили с рассветом, на склоне дня располагались в новом селе, обычно в школе, сытно обедали (а по сути, ужинали) в районной столовой с присутствием комсомольских начальников, вечером встречались в клубе с молодежью, давали концерт, устраивали танцы. А Клим успевал еще забежать в местный книжный магазин, и однажды ему повезло: он купил томик избранных произведений писателя-эмигранта, о котором ему столько рассказывала Соня, называя его непременно полным именем: Иван Алексеевич Бунин. В походе он простудился, и его положили в училищный лазарет – отдельную комнату с белоснежными стенами и стерильно чистой постелью. Он раскрыл книгу, вчитался и вдруг подумал о себе в манере Ромашова: «Он припал к неряшливо изданной книжке, как к роднику с холодной и чистой водой». Особенно его потрясли «Митина любовь» и «Солнечный удар». Как права Соня, думал он, прочитав «Митину любовь»: только женщина, которая сама любила и страдала, может понять того, кто любит. А после фразы в самом начале «Солнечного удара» «И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, как, вероятно, крепка и смугла она под этим легким холстинковым платьем...» закрыл глаза и увидел перед собой Соню, и ему захотелось, чтобы она пришла к нему. И Соня пропела в приоткрытую дверь голосом Шурочки из «Поединка»: «Арестантик, арестантик! Я вам калачик принесла!», прошла к его кровати, а он вдруг понял, как много в ней женского, скрываемого «хол-стин-ко-вым платьем»: небольшие, но острые груди, широкие плоские

бедра... «Бунин? – удивилась и обрадовалась Соня. – Иван Алексеевич? Где ты его достал?» «В Таловке, – прохрипел Клим. – Там была только одна книга, я прочитаю и подарю вам». «На Восьмое марта, ладно? Ты ведь хочешь поздравить свою любимую классную руководительницу?» Клим покачал головой: «Восьмого Марта нет классных руководительниц, есть только любимые женщины». Она погладила его по плечу, а он схватил ее руку и ощутил, как она подрагивает. «А я тебе тоже купила подарок на Двадцать третье февраля – пластинку!» «Ларго Аппассионато?» – спросил Клим дрогнувшим голосом. Она распахнула глаза, и они стали такими большими, блестящими, глубокими, что Клим опять по-ромашовски подумал о себе: он утонул в ее бездонных глазах. «Ты придешь ко мне, и мы поставим и будем слушать!» «И я скажу, – прошептал Клим: – Да святится имя твое! Ты обо мне помнишь? Помнишь? Помнишь?» «Кли-им! – взмолилась Соня и поднялась на ноги. – Так нельзя! Тебе нравится ходить по краю пропасти, это тебя возбуждает, но я-то давным-давно там, внизу!» «Простите меня», – сказал Клим и отвернулся к стене. «И когда выйдешь на свободу, арестантик мой бедненький, не ешь меня глазами, прошу тебя, продержись еще месяц!»

Через месяц Климу исполнилось шестнадцать, Соня пришла в класс, и курсанты поздравили его, а когда все разошлись, и они остались одни, Соня строгим командирским голосом сказала ему, чтобы он отпросился до завтра по случаю дня рождения и пришел к ней в семь часов. Была она в этот момент особенно красивой: в белой блузке, с короной мягко блестящих волос, с румянцем на обычно матово-бледных щеках. И в который уж раз Клим поразилась девическая тонкость ее черт. Но глаза какие-то были нездешние, она смотрела на Клим, но видела что-то свое. Он пришел к ней, они сели за стол и выпили за Клим, но Соня, вместо того, чтобы опроститься и раскрепоститься, долго и мучительно оправдывалась – непонятно перед кем: «Почему мне нельзя любить тебя? Потому что мне много лет? Но ведь я чувствую себя твоей ровесницей! Неужели все дело в дате, указанной в паспорте? Хотите, я выброшу его? Я уничтожу все доку-

менты о своем возрасте, и тогда у вас будет полное основание судить меня – но только за то, что я уничтожила документы! Мне скажут: ты воспитатель, ты его учительница! Да, это так! И сегодня я подала заявление: прошу снять с меня классное руководство! Да, скажете мне вы, он – ребенок! Но он был ребенком до вчерашнего дня! А сегодня ему исполнилось шестнадцать, теперь он – юридически взрослый мужчина! Тебя накажет бог, – говорят мне они, – ты совершаешь прелюбодеяние! А я истинно говорю вам: я не прелюбодеяние совершаю, а любовь! Вспомните притчу о праведнике и грешнике! Кого Бог приблизил? Того, кто грешил! Небеса могут наказать меня, но они могут и простить! А я всю жизнь жила не по небесному закону, а по людскому, который не дает права на грех!» Она сделала движение, и Клим испугался, что она хлопнется сейчас на колени, но Соня всего лишь распростерла руки: «Как я завидую Але! Она любила всегда! И ничего не боялась!

Знаешь, люди не могут понять,

Почему ты любил мое тело!..»

Клим подхватил:

«...А оно быть любимым хотело

Так, что ты не смог устоять!»

И попросил: «Поставьте “Ларго Аппассионато”».

Глава третья

Вернувшись с практики, Клим узнал, что у них новый классный руководитель, преподаватель судовождения Тычков. Он оказался матершинником и бабником: с курсантами говорил только о том, как «пришвартоваться к бабешке» и при этом «не намотать на винт». Про Соню же услышал Клим, что «княгиня Лиговская» уехала в Ленинград. Но что-то (судьба? Сониная рука?) вело его своим путем: после третьего курса он проходил практику на буксирном теплоходе, который привел из чехословацкого города Комарно Плотников Виталий Петрович, Сонин зять. Клим влюбился в теплоход, в его по-морскому суровый вид, в машинное отделение, по чистоте не уступающее лазарету, в капитана, который ни разу не напоял Климу про встречу Нового года. В свой последний день на судне Клим чуть не плакал. Стояли в затоне, шел снег, по небу ша-

рили прожекторы, рейдовые теплоходы, растаскивающие баржи по местам стоянки, перекликались мелодичными гудками. И Клим вспомнил Аню, о которой, казалось, навечно забыл: их лихтер стоял на рейде, ожидая постановки в затон, отец выехал в поселок, получил деньги и напился, они с Надей уложили его спать, а Клим побежал на берег, где стояла отцова шляпка, приплыл на ней к лихтеру, и они спали с Аней одетые и в обнимку в холодной каюте... «Ну что, курсант? – услышал он голос капитана. – Пойдем, попрощаемся!» И капитан привел Клима в свою каюту, которая показалась Климу земным раем: рационально, целесообразно, удобно, красиво. «Располагайся! Я тебе все бумаги подписал, теперь ты не рулевой-моторист Гордеев, а просто мой гость». На низком столике появились тарелка с осетриной, консервные банки, фарфоровый чайник. Но в тонкие стаканы из чайника лился вовсе не чай. «Спирт! – пояснил Виталий Петрович. – Медицинский, Наталья снабжает, она у меня главврач в бассейновой больнице. И разводить не рекомендует». Клим поначалу чувствовал себя неловко: ведь против него сидит не Виталий, Сонин зять, а сам капитан, бог и царь на корабле! Но после второй дозы он уже рассказывал грозному хозяину, как ему понравился теплоход, как хорошо ему было, как жалко расставаться... Капитан кивал рыжей головой: «Да ты всем понравился, а уж кокша тебя прямо усыновить готова». Вдруг замолчал и задумался. Наконец, заговорил. Трудно, не поднимая глаз: «Нас с тобой Соня познакомила, все случайно произошло. А потом-то я узнал: ведь мы с тобой – вроде как родственники. Ведь я же... как тебе объяснить... Это от меня Аня родила. Тебе Надя сестрой стала, а я – ее отец. Так что мы – хоть и не по крови, да родня». И он поднял, наконец, на Клима свои глаза, в которых, как показалось ему, была мольба. «Виталий Петрович, – спросил Клим, – а почему вы?..» «Почему не женился на Ане? Я и сам себе этот вопрос задаю уже семнадцать лет. Тогда, в сорок втором, всех молодых ребят в армию забрали, только комсоставу дали бронь, и пришли на «Клим» двенадцать девчонок, и Аня была самая красивая, самая грамотная – два курса речного техникума закончила, самая ве-

селя, самая добрая, да что я тебе говорю, как будто ты этого не знаешь? И получилось все у нас так легко, словно мы созданы друг для друга, а когда Аня забеременела, я – нет, не испугался и не отказался от Ани. Как навигация кончится, говорю, я тебя в свою деревню отвезу, поженимся, родишь, будешь у моих стариков жить, а я плавать буду, и сам верил в свои слова, и Маркову об этом сказал, только – я вдруг понял, что все кончилось, и той Ани – моей Ани – уже не будет никогда. А тут – случайная зимовка, смерть твоей матери, у Ани появился ты, и она сказала мне, что не сможет тебя бросить. Я понял, что навсегда потерял Аню, и – честно скажу – сильно переживал, когда Степан ее к себе взял и женился на ней, но нет-нет, да и приходило в голову, что так-то оно лучше». «И вы с ней никогда не встречались?» «По серьезному – нет. После войны я женился, Юлька родилась, я Наталье все рассказал и спросил ее, надо ли, мол, открывать, что Надя – моя дочь, и она сказала, что не надо, раз так все вышло... Я и успокоился. А когда Аня погибла – я места не нахожу! И все кажется мне, что не сама Аня это сделала». «Не сама?!» «Степан – твой отец, и всякое плохое слово о нем бьет по тебе. Но ты же любишь Аню?» Клим опустил глаза и прошептал: «Любил...» Плотников ударил кулаком по столу, а другой рукой закрыл глаза. «Не прощу! Никогда не прощу!» Кому капитан не простит – себе или Степану – Клим так и не узнал, потому что поднялся и вышел из капитанской каюты.

В начале следующей навигации он по направлению (третий штурман самоходки-тысячтонки) прилетел в Речное и с нераспаханного еще картофельного поля, где садились вертолеты, сразу направился в родительскую квартиру. Степан уже был на лихтере, а Надя жила дома одна и была в интересном положении. Клим увидел ее – гладкую, округлившуюся, степенную – и с ним что-то произошло. Он обнял ее и долго не отпускал. «От тебя так пахнет, – шептал он, – как от тебя пахнет!» «Чё придумал-то! – шептала она в ответ. – Чё тебе городские-то хуже пахнут?» «А у меня нет никаких городских!» «Чё так? Ты же вон какой!» «Какой?» «Красивый!» «И ты! Ты – прекрасна!» «С пузом-то?» «Да! Я не думал, что смогу влюбиться

в беременную женщину!» «А ты влюбился?» «Я – без ума!» «Но я же не от тебя!» «Ну и что? Он же мой брат!» Она хихикнула: «А вдруг сестричка?» Наконец, они отстранились друг от друга, и Надя попросила: «Хоть ты и говоришь, что я прекрасна, но я хоть переоденусь, а то хожу, как...» «А я ужин приготовлю!» И Надя вышла к ужину, причесанная, подкрашенная, принарядившаяся, но Клим думал лишь о том, что ждет их впереди, ночью, поймет ли Надя, что они должны быть вместе. И Надя поняла его правильно, и у них была чудесная ночь, необыкновенную остроту которой придавала беременность Нади.

Утром он решительно объявил ей, что они должны пожениться: «Пусть отец сам не позорится и тебя не позорит! А мы по всем документам не брат и сестра, нас распишут в два счета!» «А где мы будем жить?» «Здесь! Я устроюсь на рейдовый теплоход и встану на очередь, как молодой специалист!» «А...А Степан?» «Ты кого любишь: меня или его?» «Тебя!» «Так в чем же проблема?» «Он убьет нас», – сказала Надя и посмотрела на свой живот. «Не убьет», – не очень уверенно ответил Клим, а про себя подумал, что надо не ждать, а напасть первым. Он зашел в магазин, потом поднялся в диспетчерскую, и его вывезли на рейдовом катере к лихтеру. Отец, заметно постаревший, встретил сына, одетого в командирскую форму, радостной улыбкой, обнаружившей отсутствие нескольких зубов: «Здравствуйте, товарищ штурман!» «Здравствуйте, товарищ шкипер!» Потом они сидели в шкиперской каюте за столом, на который Клим выставил свои покупки: водку, колбасу, консервы. После первого стакана – на флоте других доз не признавали – Клим пристально посмотрел отцу в глаза: «Отец, приготовься. Я скажу очень неприятное для тебя, но ты должен все понять и – принять». Отец испугался и стал еще старше: «Ты что? Ты – о чем? Что с Надей?» «С Надей – порядок. Мы решили с ней пожениться. И ты не вздумай нам препятствовать!» «Ты? С Надей? Да у нас же дитё будет! Да она же – моя!..» «Никакая она не твоя! И не ломай ей жизнь! А дите от тебя никуда не денется, внуком твоим будет!» «Внуком?.. Каким внуком?» И тут Клим ударил кулаком по столу: «Все! Кончилось твое время!

И не позорь больше Надю! Останься человеком! Иначе, – Клим наклонился над столом, – я все раскопаю про Анину гибель, я свидетелей найду!» Отец посерел лицом: «Каких... свидетелей?» Клим понимал, что никаких свидетелей он искать не будет, да их и нет в природе, а Надя не в счет, но продолжал напирать на отца: «Ты знаешь, каких! И не думай, что у Нади только я защитник. У нее отец есть!» «А, ты же с Плотниковым плавал! Выходит, он тебе все рассказал?» Отец склонил голову и долго молчал. Потом махнул рукой: «Наливай! Твоя взяла! Живите! А про Аню ты зря, сама она, не смогла мне Надьку простить».

Следующим важным шагом был поход в «кадры», где всем заправлял тот самый Коркин, у которого Аня «выхлопотала» место на дебаркадере и трехкомнатную квартиру. «Я женился на дочери Анны Сергеевны Гордеевой, – сказал Клим, пристально глядя в глаза кадровику, – вы ее должны помнить!» Коркин кивнул головой: «Я всех помню. Должность такая». «Моя жена беременна, я прошу предоставить мне работу на рейдовом флоте». Коркин неожиданно ослабилась в страшной улыбке, открывшей редкие прокуренные зубы: «Мастером пойдешь? В мехцех?» «Пойду!» «Тогда дуй к главному!» «К Волохову?» – обрадовался Клим, следивший за карьерой любимого капитана. Коркин вздохнул: «Потеряли мы Волохова!.. Да я не в том смысле, жив он и здоров, только работает в поссовете, председателем. Года не прошло, как избрали, но уже слышно, что выше пойдет. А на цех, – обстоятельно, словно докладывая руководству, рассказывал Коркин, – поставили Власова. Они к нам двое прибыли по направлению из института три года назад: Власов Григорий Петрович и Белкин Федор Михайлович. Тоже поначалу мастерами были. Власов – тот армию прошел, в партии состоит, порядок знает, мы его через год в начальники цеха двинули, а как Волохова избрали на советскую работу, он его место занял. Ну, а Белкин к тому времени освоился, авторитет среди рабочих заслужил, а то поначалу многие над ним посмеивались: мол, ему надо сначала ученичество пройти. Теперь он заместо Власова. Так что становись в очередь!» «В какую очередь?» «А вот в

какую! – Коркин высоко над собой поднял неожиданно длинный палец: – Уходит на пенсию или не дай Бог умирает наш министр, так? Замминистра становится министром, начальник главка – замом, начальника пароходства ставят на главк, его зам становится начальником, директора завода ставят замом, главный инженер завода – директором, начальник цеха – главным инженером, мастер – начальником цеха». «А прошлый министр тридцать лет сидел на своем месте!» – засмеялся Клим. «Ну это я так, фигурально...» Так в одночасье решилась судьба Клим. Ему отвели кабинетик, в котором он почти не бывал, носясь по заводу, и самыми радостными мгновениями в его жизни была дорога домой после работы. Надя ждала его, он обнимал ее, пахнущую домом, счастьем, любовью, умывался над тазиком, и она поливала ему из ковшика на руки и на шею, потом они долго ужинали, иногда ходили в кино или просто гуляли, пока их вконец не заедали комары.

Больше всего по работе пришлось общаться с Белкиным и Власовым, совсем недавно бывшими в его шкуре. Только держались они с ним по-разному, все же сказывались возраст и должностное положение Власова, а, может, и семейное: он стал очередным мужем ботанички Зинаиды. Но к Волохову обратиться пришлось, и без него так бы легко его брак с Надей не зарегистрировали. Пришлось искать документы той зимовки и свидетелей, чтобы подтвердить рождение Клим и смерть его настоящей матери. В самом конце июня Клим вызвали к начальнику цеха, только за столом сидел не розовощекий Федор Михайлович, а Волохов: «Ну, что, Клим Степанович, как дела?» Клим оторопел: значит, Коркин ошибся, и Волохов пошел не вверх, а вниз? «Тяжело, Юрий Васильевич, – признался Клим, – с нарядами только-только разобрался, нас же этому не учили. Нормы очень завышенные...» Волохов вздохнул: «Это да, все жалуются». «Я не жалуясь. Вы спросили, я ответил», «Молодец, что не жалуешься! Федор Михайлович, – Волохов кивнул на стол начальника цеха, – говорит, что стареешься». Волохов поднялся на ноги: «Пошли, проводишь. Я стараюсь хоть раз в неделю бывать в заводе, по цехам пройти. Как говорит-

ся: приятно вспомнить, и полезно, ведь наш поселок только заводом и живет». На улице повернулся к Климу: «Ну, что, жених, приглашай на свадьбу! Документы на вас с Надеждой пришли, в первую пятницу июля и проведем регистрацию». «Спасибо, Юрий Васильевич, – прошептал Клим, – если б не вы!..» «Да я ради детей Анны Сергеевны – все сделаю!» Клим потупился. «Гостей-то много будет?» «Каких... гостей?» Волохов захохотал и перед Климом возник его любимый капитан «Иртыша»: «Ты как первый раз... женишься! А я, что, не гость? Жалко, моих девчонок не будет, я их отправил на юга на все лето, пусть Вика отдохнет перед десятым классом. А пригласить надо, – он взглянул на окна второго этажа заводоуправления, где располагалось начальство, – директора, главного, Коркина, Федора Михайловича... Я договорюсь со столовой и закажу обед. После регистрации прокачу по поселку на своей «Волге» и к пяти часам подъедем к заводоуправлению». У Клима голова пошла кругом: «Юрий Васильевич, я даже не знаю!.. Вы прямо!..» «Эх, Клим! А что бы я сделал, если б ты на моей Вике женился? Может, подождешь года два?» «Юрий Васильевич, вы шутите?» «Конечно, шучу! А ты серьезный очень, Клим. У нас на «Иртыше», знаешь, какие шутники были? Оттого и работа спорилась. А тот, кто шуток не понимал, у нас не задерживался. И еще: тебя спросят: как дела? А ты: лучше всех! Имей это в виду, если хочешь стать командиром».

Для приличия Клим послал радиограмму отцу, но ответа не получил; он знал, что, обратиться он к Волохову, Степана нашли бы через час, но обращаться не стал. Зато как раз приехало несколько одноклассников, закончивших первый курс, а новый главный инженер пришел на свадьбу со своей красавицей-женой, которая в зеленом струящемся одеянии еще больше была похожа на змею. «Ой, как неудобно, – шепнула Надя, оправляя на заметно выпирающем животе белое выпускное платье, – надо было Зину-то пригласить!» Начало застолья больше напоминало юбилейно-поминальное мероприятие, потом начальство сгрудилось вокруг директора и стало обсуждать заводские проблемы, и тут опять выручил Волохов, метнувшись к радиоле: «Сва-

дебный вальс!» Клим потоптался с Надеждой положенное, усадил ее и, шепнув: «Пошел исправляться!», направился к ботаничке. Помня Сонины уроки, вначале обратился к ее мужу: «Григорий Петрович, разрешите пригласить Зинаиду Марковну на танец!» Танцевала Зинаида Марковна превосходно, но вынуждена была отдать должное и Климу: «Гордеев, я не узнаю тебя! Был таким... А стал!», и тут уже Клим вспомнил «заветы» Волохова: не надо быть слишком серьезным. «Тем выше заслуги моих любимых учителей!» И коснулся губами ее запястья. «Спасибо! Не ожидала! И за приглашение спасибо!» «С пятого класса мечтал с вами потанцевать!» «И ведь за словом в карман не лезет! – восхитилась Зинаида. – Только я про приглашение на свадьбу. Юра... Юрий Васильевич сказал, что ты хотел пригласить всех учителей, а почему никого нет?» Юрий не раздумывал ни секунды: «Так вы с Татьяной Петровной для меня и есть все учителя, только она на юге!» И тут лицо ботанички исказилось, словно от укуса хищника из «живого уголка», она оглянулась, Клим увидел встречный взгляд Волохова и вдруг все понял и про ее неожиданное появление, и про ее оговорку «Юра». И Зина поняла, что он все понял, и поспешила откланяться: «Спасибо за танец, Гордеев. Ты далеко пойдешь!» Вскоре ботаничка подошла к ним с Надеждой: «Григорий Петрович останется, а я, пожалуй, пойду, дочка одна дома. Клим, надеюсь, проводит? Здесь недалеко».

Жили главный инженер с Зинаидой Марковной в кирпичной четырехэтажке по переулку, начинавшемуся у заводских ворот, но она повела его по темной и безлюдной «шоссейке» в сторону основного бора. Всего пять лет назад на месте новых домов был пустырь, на котором школьники бегали кроссы и сдавали зачеты по лыжам, а в сосновый бор Зинаида водила их зимой по глубокому снегу собирать семена... «Гордеев, ты, может, возьмешь даму под руку?» Он пошел рядом и попытался приспособиться к ее шагу, но этому мешала ее не очень уверенная походка. «Уже лучше. Только, знаешь, Гордеев, я замерзла!» И он набросил ей на плечи свой черный, специально купленный на свадьбу пиджак. «Ну, вот что хорошего в тебе было? Встанет: и в час по чайной лож-

ке! Пока предложение закончит – уже не помнишь, с чего и начал! Прямо убила бы!» «Спасибо, что промахнулись!» «Зато ты не промахнулся! Только цель какая-то странная! Ты же Вику любил! Или?..» «Или, Зинаида Марковна!» Она остановилась и повернулась к нему; в темноте ее взгляд казался диким, глаза – огромными, лицо – незнакомым: «И у меня всю жизнь: или! Когда-то я очень любила одного человека, но между нами встало вот это самое ‘или’: война!» «Он... не вернулся?» Она покачала головой. «Его убили... И меня тоже... А, может, меня убили еще раньше... Мы с мамой столько пережили, что я возненавидела людей и полюбила зверей. Летом сорок первого нас снова уплотнили, – а когда-то мы жили в этой квартире одни с папой, мамой, бабушкой и домработницей, – и в отнятую у нас комнату вселились эвакуированные: врач Вера Петровна и ее сын Вадик. Он стал учиться в нашем классе, и мы полюбили друг друга. Мы закончили школу в сорок втором, я поступила в пед на биологический, он – в медицинский. Я не знала, что он несколько раз просился на фронт. Осенью его забрали в армию, а весной Вере Петровне пришла похоронка... В группе у нас был всего один парень, Боря Синайский, на четвертом курсе мы поженились. Я была рада сбежать из нашей с мамой тесной комнатенки, в которой раньше жила домработница, от молчаливого укора в глазах Веры Петровны: ты молодая, живая, здоровая, а Вадик... Но попала я из огня да в полымя, Боря оказался редкой мразью: мелочный, вздорный, самовлюбленный! Я не сказала на суде, что я беременна, и нас, хоть и с позором, но развели». Она качнулась к Климу и уютно устроилась на его груди: «И вот представь, Гордеев: я на шестом месяце и выбираю по направлению поселок Речной, потому что там сразу дают квартиру, приезжаю на пристань, а последний катер уже ушел, дежурная, гадина, не пускает в комнату отдыха, и тут появляется он: в кителе с серебряными погонами...» «Это был Юрий Васильевич?» Зинаида вскинула голову: «Юра? Нет, его звали Олег, Олег Скиба, он стал моим вторым мужем... А у Юры – другая история. Танька его, – ботаничка ненатурально рассмеялась, – ха-ха-ха, от тюрьмы спасла. Пришли

они за плотом, стоят, ждут, местные девчонки прибегают к пароходу, где огни, музыка, молодые ребята. Девчонки – шестиклассницы да семиклассницы, школа-то семилетка, а Танька на каникулы из педучилища приехала, ну и Юра уже училище закончил, постарше других ребят был, разговорился с ней, все же в городе учится, взрослая, в какую пригласил. Говорят же, что ночью все кошки серы... В полночь разбежались: она – домой, он – на вахту, а утром прибегает ее мама с милиционером – Юра только на свадьбе узнал, что он Таньке троюродным дядькой придается: дочь изнасиловали. Юру забрали, стали дело оформлять, а время-то суровое, война еще не кончилась, и тут Танька дает показания, что она сама, добровольно вступила с ним в связь, по великой любви. Поскольку она совершеннолетняя, дело бы надо просто закрыть, а ему говорят: женись, тогда закроем. Вот так и женили Юру, а через девять месяцев родилась твоя любимая Вика...» Ботаничка оттолкнула его, но, сделав несколько шагов по направлению к своему дому, покачнувшись, и он едва успел подхватить ее. «Почему ты меня ненавидел? – спросила она, повисая на нем. – Потому что ты слышал, что про меня говорят, да? Я это видела, я это знала, что ты слышал! И смотрел на меня так, потому что слышал! Как ты мне был мерзок! С этой твоей улыбочкой, словно бы ты каждую ночь свечку держал! С этим твоим умопомрачительным сочетанием светлых волос и черных ресниц! Мне так хотелось подойти к тебе и вылить на тебя ведро воды! Чтобы с тебя вся краска слезла и чтобы ты сказал: Зинаида Марковна!..» И вдруг обвила его шею руками и прильнула к нему: «Гордеев! Скажи, что ты меня любишь, что я – самая чистая женщина на свете!» И с Климом произошло то, чего он потом не мог понять и во что не мог поверить: он вдруг услышал голос Ани, увидел лицо Ани, и он уже целовал это лицо и горячо шептал те слова, которые безумная Зинаида хотела услышать от него... А через несколько минут у дверей своей квартиры на него смотрела совершенно трезвая женщина, и глаза у нее были вовсе не злыми, а красивыми, грустными и добрыми. «Спасибо тебе, Гордеев. Счастья я тебе не пожелаю – ты ведь не для него живешь, а зря!»

Все время его отсутствия Волохов был рядом с Надей, поэтому к бегству жениха с собственной свадьбы та отнеслась довольно снисходительно, но дома сказала незнакомо решительно и веско, что спать они будут теперь в разных комнатах, чтобы не навредить ее ребенку. И Клим понял, что Надя добилась своего, она утвердилась, и он – как таковой – ей уже не нужен. Он практически не спал, пришел на работу с дурной головой и нарвался на Федора: «Чего пришел? Тебе же три дня полагается! Вот и вышел бы в понедельник!» Клим через силу улыбнулся: «Душа болит – о производстве». «Тогда гони всех на объекты и – ко мне!» К десяти часам в кабинете начальника цеха собрались четверо: он сам, главный, Волохов и Клим. И для него с той субботы началась новая жизнь. После работы он уже не спешил к Наде: то они с Федором сидели с бутылкой сухого вина в его просторных и пустых по случаю навигации апартаментах общежития, а то долго и с удовольствием пил пиво у ларечка в компании заводских мужиков, специалистов на все руки, и слышал одно и то же: «Ты, Степаныч, держись ближе к народу, а уж мы тебя не подведем!»

В одну из июльских пятниц табельщица Катя, черноглазая хохлушка с тяжелой «кормой», сказала, чтобы он зашел к «регистру» Лещинскому. Евгений Сергеевич Лещинский был когда-то начальником местной конторы Регистра, но сейчас, после развода с ботаничкой, был простым инспектором и потихоньку спивался. На неделе сдавали баржу-двухсотку, Лещинский все подписал, и Клим считал, что никаких проблем с Регистром не должно быть, тем более что стол потом накрыли царский: водка, пиво, коньяк, осетрина, черная икра... Евгений Сергеевич сидел в своем углу перед портативной пишмашинкой, как отметил Клим, дорогой, иностранной. Заметив взгляд Клим, признался: «Я без нее как без рук! А главное – шрифт крупный, как у канцелярской! Я в командировках в два раза быстрее все дела решаю! И тебе советую освоить это дело! – Поднялся во весь свой немалый рост, и тут прогудел заводской гудок. – Я тебя чего позвал? За границей по пятницам мужики ходят пить пиво в бар. Вот я и приглашаю тебя, только не к пивному ларьку, а в приличное

место». В Речном было две столовых – заводская и поселковая. В заводской по вечерам справляли поминки и юбилеи, играли свадьбы, а поселковая после пяти работала как ресторан. Клим и Евгений Сергеевич долгое время были единственными клиентами в темном и прохладном зале. Крупная фигуристая Нина, учившаяся на год старше Клим, принесла графин пива, оказавшегося непривычно сладким. «Рекомендую, – сказал Евгений Сергеевич, – «таежное», нигде такого не найдешь». Клим понимал, что предстоит разговор о Зинаиде, и не ошибся. «Ну что, Клим Степаныч, поздравляю тебя!» «С чем?» «А с тем, что скоро получишь переходящее красное знамя!» Клим знал, что мастерам знамена не вручают, и молча ждал продолжения. Евгений Сергеевич, видимо, рассчитывал на другую реакцию: «Ты что, не понял смысла?» Клим понял не только, что подразумевалось под переходящим знаменем, но и то, что Евгений Сергеевич хорошо принял до его прихода и дело пахнет скандалом. «Евгений Сергеевич, поймите и вы: это знамя давно уже не в ваших руках!» Тот хрипло рассмеялся, откинувшись на спинку стула: «Молодец! Далекое поймешь! А хочешь, я тебе расскажу все?» «Лучше так: все, что сочтете нужным!» «Я это и имел в виду. В общем, я – первый молодой специалист, который приехал сюда по направлению после института. Да после какого – Ленинградского! Тогда еще, помнишь, в поселке лагерь располагался, вышки стояли. При мне эти вышки убрали, репрессированные получили реабилитацию, в журнале печатали Евтушенко и Вознесенского, мы проводили спортивные мероприятия и музыкально-литературные вечера – знаешь, какая была интересная жизнь? А в центре этой жизни была Зина, мы собирались на ее квартире, пили сухое вино при свечах, читали стихи, танцевали... Зина была замужем за хорошим парнем Олегом, который начинал после ФЗО машинистом на пароходе, потом работал механиком на рейдовом буксире и был страшным доволен, потому что тренировал и сам играл в футбольной команде, все кубки района и бассейна выиграл. Он ее, прямо скажу, спас, а Зине хотелось большего, чтобы он на Север ходил, привозил осетрину и разный дефицит, чтобы двигался вверх, а

он застрял на этом рейдовом, да и про поэзию с ним не поговоришь... Короче, через три года мы с Зиной поженились... Жили хорошо, меня начальником конторы назначили, квартиру дали, с ее дочкой Ленкой – никаких проблем, потому что я с ней не сюсюкал и в папочки не набивался. За границу каждый год ездили, и вот с этих загранич все и началось. Говорит как-то Зина: а почему тебя не пошлют за границу? Специалист ты видный, три языка знаешь. Да, говорю, только один из них русский! А она: напиши заявление! Какое, говорю, кому? Зина: Своему московскому начальнику! Приложи копии документов, возьми рекомендацию в парткоме. Я к Волохову пришел посоветоваться, а он сразу: давай-давай, мы поддержим! Теперь-то я понимаю, что Зинка и с ним работу провела... В общем, собрал я документы, думаю, кто из руководства поедет в Москву, с тем и отправлю, а тут Зинаида объявляет: а мой кружок на ВДНХ едет! Я с ней и отправил конверт. Через год меня назначили в Финляндию на приемку кораблей. Два года, как в сказке: по работе – никаких проблем, все четко, красиво, грамотно; каждый знает свои обязанности, делает столько, сколько нужно, никакого соревнования, передовиков, – усмехнулся, – красных знамен; в магазинах – чего только нет. Я сразу купил «Москвич» в импортном исполнении, до сих пор как новенький, Зина научилась водить и целый день по шопам, набрала тканей, они там – просто фантастика, купила швейную машинку с какими-то оверлоками, а я по инструменту отдыхал: какие там наборы!» Покачал головой: «Хорошая страна, хорошие люди. Английский знают почти все. И что меня удивляло: разговариваешь с кем-нибудь: инженером, токарем – буд-то с нашим, русским. Те же проблемы, что у нас: чтобы работа была, на жизнь хватало, чтоб дети учились и дурному влиянию не поддавались. И я все думал: чего же мы воевали с ними и почему наши правители не могут понять, что простому народу не мировой коммунизм нужен, а нормальная жизнь». На столе уже появился третий графин, а в зале было занято несколько столов, откуда шли приветствия и заинтересованные взгляды. «Только, знаешь, о чем я подумал однажды и – испугался? А вдруг, думаю, мне в этой стране счастья жить

придется до конца дней?» «А почему... испугались?» «Давай на ты, без церемоний. А испугался потому, что... Ты вот молодой, не знаешь этого и не знай. А вот представь, что никогда в жизни не выпить так, как захочется, ни покурить, ни побезобразничать! Это я не буквально, и там люди пьют, я в целом о жизни: не может русский так жить, с ума сойдет!» «Так у них там этих суицидов!» «Ну вот, кончилась сказка, и у нас с Зиной все кончилось... Приехали в Москву, Зина с Ленкой – по достопримечательностям, я – к начальству: доложить, отчитаться, сувениры вручить. Вечером с начальником в «Арагви», шикарный стол, ереванский коньяк, а начальник все чего-то озирается, как будто ждет кого-то, а потом вдруг спрашивает: а что же, мол, Зинаиды Марковны нет? Да с дочкой, говорю, как ее оставишь, а сам думаю: что-то тут не то! Начальник, сразу видно было, скис, но после шашлычка под коньячком взбодрился, язычок у него развязался и выдал он мне комплимент... Ну в общем, такое говорят только мужу-рогоносцу. Я смотрю на него и думаю: сейчас тебя убить или потом? Решил, что потом, и влил в него коньяка столько, что он встать не смог. Посадил я его в такси, приехали к его дому в новом районе, завел я его в подъезд: «Какой этаж?» «Шестнадцатый». Думаю, как раз успею. Только лифт тронулся, я ему под дых, он согнулся, я ему еще: «Вот тебе! Чтoб чужих баб не трогал!» А он еле сипит: «Да она... сказала... что муж... в курсе... и не возражает». И тут я захохотал: ну Зинка, ну падла! И я бы, наверно, простил все Зинке, она же для меня «старалась»... «Ведь я простил Ане», – пронеслось в голове у Климa. «Надо было простить, ведь мне такой женщины больше никогда не видать...» «И мне», – вырвалось у захмелевшего от вкусного и крепкого пива Климa. «Что?!» «Да у меня... была одна... я бы ей все простил... потому что счастье – это главное...» «А я не смог. Ну, а вышло все так глупо, что не я ушел от нее, а она меня выставила: мол, она для семьи своей честью пожертвовала, а он... Тут как раз молодые специалисты в гору пошли, Григория главным поставили, а Зинка еще до заграничy его отметила. Но Зинка на нем не остановится! Так что мой совет: беги отсюда как можно быстрее и дальше!» «Тебе

самому, Сергеич, бежать надо, а то... пропадешь». Тот помотал головой: «Я от Зинки – никуда! А вдруг?... – Он махнул рукой. – Да и куда мне бежать... некуда мне бежать... Надо было, дураку, в Питере остаться, меня в аспирантуру звали, знаешь, на какую тему? Катамараны! У меня про катамараны был диплом с отличием, мне так и сказали, что это готовая диссертация!» «А я помню, – сказал Клим, – ты по затону на такой чудной моторке гонял!» «Видел, да? А знаешь, там такая интересная гидродинамика! – Опустил голову. – У меня только две любви было в жизни: катамараны да Зинка...»

С Волоховым они встречались часто, но мимоходом, то в заводе, то на улице. В середине августа тот как о великом счастье, почему-то касающемся и Клима, сообщил, что «девчонки» приедут в воскресенье «Метеором». Клим пришел на пристань, где возле самого трапа стояла «волга» Волохова, в которой они с Надей делали свадебный круг по поселку. Из машины вышла женщина, в которой он не сразу узнал Зинаиду: высокий лоб и рыжие волосы скрыты под косыночкой-шапочкой, так что видны одни глаза, одеяние, переливающееся, мерцающее то зеленым, то синим, похуже на сари и «пошитое», видимо, из финской ткани, подчеркивающее узкую талию и широкие бедра, еще больше, чем обычно, придавало ее облику что-то змеиное. Она махнула рукой и пошла по берегу вдоль воды. Остановилась и, не оборачиваясь, сказала: «Вот и кончилось то, чего не было. Для него тоже – счастье не главное. А ведь я... Я бы за ним...» Он понял, что она плачет. «Зинаида Марковна...» «Что?» – ответила она незнакомым голосом и не сразу. «Вы оказались совсем другой!» Она обернулась с постаревшим и подурневшим лицом и попыталась улыбнуться: «А знаешь, Гордеев!.. Вы с Юрой, оказывается, были соперниками! Он мне признался, что был очень-очень равнодушен к твоей маме, которая вообще не была твоей мамой!» «Она была мне мамой Аней», – прошептал он, а она сделала к нему шаг и уперлась в него грудью, и он не отстранился. «Ты ведь любил ее, и этим все объясняется. Тебе все равно с кем – раз не с ней. И Вика тебе не нужна, потому что она не заменит тебе маму Аню. И ты зря при-

шел, Гордеев. Пожалей Вику, пожалей Надю...» Он наклонился и прошептал ей в ухо: «И вас!» «И меня! Меня тоже пожалей! – заговорила она горячим шепотом. – Меня никто не жалеет! Никто-никто!..» И махнув рукой, пошла с опущенной головой к дебаркадеру, к которому медленно подплывал транзитный «Метеор». «Девчонки» показались в проеме выхода одними их первых: Татьяна Петровна с гримасой радостной улыбки на темном до безобразия лице и рядом – юное и очаровательное существо, которое, казалось, все южное солнце привезло в своих глазах. Клим повернулся и пошел прочь от пристани.

В сентябре Клим отвел Надю в больницу, и она родила девочку, сестру Клима, которую они, конечно же, называли Аней. Через неделю Надя с Аней были дома, и Клим окупился в заботы, оказавшиеся неожиданно приятными, но приближалось время конца практики, ему предстояли военные лагеря и госы. Он даже подумать не мог, чтобы оставить Надю здесь, надо выбираться в город, но кто их там ждет? Однажды, зайдя по своим делам к Коркину, он услышал, как тот кричал в трубку: «Да мне Плотников не указ! Пусть он на своем заводе командует!» Положил трубку, обиженно скривил губы: «Пока был капитаном – мужик как мужик, а как стал замом директора завода по кадрам – всем флотом командует, прямо второй Гаврилов!..» «Это не капитан с “чеха “?» – спросил Клим. «Он! А ты что, знаешь его?» «Практику у него проходил». «Так то он мужик хороший, год-другой посидит в замах, поймет, что к чему. Как он к тебе?» «Нормально». «Ты используй это, чтобы выбраться отсюда с женой. Я же знаю твою ситуацию». И они посмотрели друг на друга, и Клим понял, что не по должности Коркин стал любовником Ани, а по любви, взаимной ли, безответной ли, не важно теперь. И он подошел к Коркину, а тот поднялся – маленький, щуплый, как мальчик, и они неожиданно обнялись. «Ты знай, – бормотал Коркин, – если что... А мужик ты – настоящий, далеко пойдешь. И Плотникову позвони. Он тебе поможет».

Но Клим не стал звонить. В конце октября они с полуторамесячной Аней уехали на «волге» с Волоховым, которого вызвали в обком на «смотрины». В кабинет Виталия Петровича в здании

управления завода они вошли втроем: Клим с Аней на руках и Надя. Плотников сразу все понял, он встал, вышел из-за стола и обнял Надю: «Доченька моя! Как я ждал! Как я виноват перед тобой!» Первое время они жили в комнате старого заводского общежития, в деревянной двухэтажке еще довоенной постройки, а потом Плотников договорился с портом, и они переехали в новое пятиэтажное общежитие, где у них оказалась большая комната с туалетом и сидячей ванной. Повезло с соседями: рядом жил Борис Базаров, выпускник Ленинградского водного, механик по порталным кранам, со своей милой толстушкой Светланой, специалистом планового отдела. Быстро подружились, и особенно эта дружба пригодилась на время лагерных сборов Клим. Светлана после работы обходила магазины и возвращалась с двумя сумками в руках – в одной продукты для себя, в другой – для Нади с Аней, а Борис гулял с Аней, как со своей дочкой. И вот Клим получил диплом о среднем специальном образовании и погоны лейтенанта, у него были жена, дочь (она же сестра), уютная квартирка, хорошие соседи, блестящая перспектива (при таком-то тестве!).

Собрались у Плотниковых, трое на трое: Клим, Надя с Аней, сам Виталий, его жена Наталья, которая взглянула на него с доброй усмешкой, четырнадцатилетняя Юлька, не узнавшая его. Плотников не отходил от дочери с внучкой, Юля заинтересованно наблюдала за своей вдруг обретенной племянницей, а Клим и Наталья, выглядевшая намного моложе мужа, оказались на кухне под форточкой. «Не куришь? – спросила Наталья. – Молодец! А я вот смолю с шестнадцати лет. Муж меня уже не целует: чё это я пепельницу буду целовать?» Она вытащила из пачки сигарету, Клим поискал глазами и нашел коробку спичек на газовой плите, чиркнул, дал Наталье прикурить. Она затянулась и выдохнула дым ему в лицо: «Ты тоже... не целуешь, кто курит?» И Клим понял, что от того, как он поступит, зависит все в его дальнейшей жизни, и Виталий его не спасет, если он сейчас ошибется. Он взял сигарету из ее рук, положил ее в пепельницу, а потом медленно, глядя ей прямо в глаза, прижался к ее губам. «Ты меня не помнишь?» – спросил он, когда

она прижалась к нему теплой и мягкой грудью. «Я тогда не знала, смеяться мне или плакать: ты на коленях перед моей мамой! И с тех пор все время вижу тебя во сне, как ты стоишь на коленях – передо мной! – Отстранилась, взяла сигарету: – А Надю ты не любишь...» «А ты не любишь Виталия Петровича. «Это так заметно?» «Заметно». «И тебе его жалко? Жалко, да?» Он молчал. «А меня кто пожалеет?» «Что же нам делать?» Она хрипло засмеялась: «Какой ты еще глупый! У женщины нельзя спрашивать! Женщиной надо – повелевать!» «Я буду – повелевать! Только – помоги мне!» «Ты – чудо!» Она чмокнула его и оттолкнула от себя: «Садись, поговорим... Плотников рассказал мне о вашей непростой ситуации. Ты поступил честно по отношению к Наде, но пройдет время, ты увлечешься, что тогда?» «Я уже увлекся!» Наталья махнула рукой: «Я – не в счет, я все сделаю, чтобы ты был с Надей. Я говорю о той, которую ты встретишь. – Вдруг молодо, озорно улыбнулась: – Вот Юлька моя, например, вот уж стерва растет!» Клим помотал головой: «Только ты! Только с тобой!..» Наталья засмеялась, груди ее тяжело заколыхались: «Конечно, со мной! Думаешь, я упущу свой шанс?» «Это я – шанс?» В это время раздалися шаги, и она сделала круглые глаза: «Плотников идет!»

Плотников устроил Клим в сметный отдел, и сметное дело вдруг оказалось очень интересным и ответственным. И еще теще посоветовал, не мешкая, поступать в заочный институт: «Только не в водный, тут тебе и училища хватит. Иди на экономику, экономисты сейчас во как нужны!» И Клим сдал экзамены на вечерне-заочный факультет от Иркутского института народного хозяйства, но в самом Иркутске он побывал не скоро, сдавая контрольные и экзамены в своем городе. У Плотниковых они больше не бывали, и он стал забывать Наталью, как забыл Аню, потом Соню, только что-то щемило в душе, и иногда вдруг вспоминался ее запах – сигарет, крепких духов, женского тела.

Закончив училище, Клим не перестал бывать в нем – в спортзале, на занятия в котором его привлек Борис, бывший штангист, за последний год сильно раздавшийся вперед. В группу здоровья, как это называлось, ходи-

ли молодые ребята, выпускники вузов: инженер техотдела пароходства долговязый Валентин, мастер с судоверфи, маленький, но прыгучий Валера, снабженец судоремзавода красавец Олег; играли в футбол и волейбол, выступали иной раз единой командой против городских или ребят «с линии», и Борис, их капитан, как-то сказал после очередной и привычной победы: «Вот такой командой и будем держаться! Все посты займем: я – главный инженер в пароходстве, Клим – зам по экономике, Валентин – начальник техотдела, Валерка – начальник судового хозяйства, Олег – начальник отдела снабжения». «А кто будет начальником пароходства?» – спросил Олег. «Так в этом-то вся интрига! – ответил Борис. – Если все знать заранее – неинтересно жить!» Но Клим понимал, что никакой интриги нет, нынешний начальник пароходства Макаров сидит прочно, до пенсии ему еще долго, да и другие руководители и крупные специалисты не спешат освобождать свои посты. Так что надо спокойно работать, учиться, а там... Там видно будет.

Однажды в конце рабочего дня раздался телефонный звонок. Начальник сметного отдела, пожилой язвенник из капитанов, заулыбался, закивал, даже оторвал от стула тощий зад: «Здравствуйте, Наталья Александровна! Очень рад вас слышать! Да-да! Сейчас позову!» Повернулся к Климу сияющим лицом: «Вас, Климентий Степанович!» И не подал, а вручил ему трубку, словно почетную грамоту с занесением в личное дело. Наталья деловым тоном наказала ему после гудка подойти к мебельному магазину: «Я там книжные полки приглядела, мне нужен мужчина». Наталья соврала только наполовину. Возле дверей магазина она подхватила его под руку и потащила к дороге, словно собираясь бросить под машину. Она «голоснула», и они доехали на такси до конечной остановки трамвая, где стояли добротные кирпичные дома химкомбината. Они молчали всю дорогу, тесно прижавшись друг к другу на заднем сидении, и, войдя в квартиру на втором этаже, так же молча обнялись в тесной прихожей. Лишь здесь она произнесла первые слова, даже не произнесла, а пропела: «Милый друг...» «наконец-то мы вместе!» – подхватил он. «Ты рад?»

«Безумно!» «То ли еще будет!» ...«Ну что?» – спросила Наталья. «Ты просто чудо! – искренне признался он и прошептал ей на ухо: – А я такой... неумелый, да?» Наталья резко повернулась и посмотрела на него сверху злыми глазами: «Ты что, думаешь, я направо и налево? И нам хорошо, потому что я – опытная? Да ты у меня всего второй!» «И ты – вторая», – соврал он. «А хорошо нам потому, что мы любим! И мы никому не изменяем! И перед Виталием и Надей ни в чем не виноваты!» Потом она сидела, подложив под спину подушку, и рассказывала: «Нас же с тобой, Клим, не годы разделяют, а – война. Мне в сорок первом двенадцать было, и хоть я и намыкалась, нагляделась, настрадалась, пока мы с мамой следом за папой ездили, я, как и все девчонки, мечтала о любви, кино про любовь смотрела, в артиста влюбилась, в Евгения Самойлова... А потом – война. Мама работала в госпитале, а я помогала ей. Страшное было время, тяжелое. Папу я и не видела, он то в рейсе, то на зимовках, а потом его опять посадили. Я за три года так постарела, мне казалось, я уже старше мамы. А потом, когда мы немцев погнали, все словно вздохнули полной грудью, и мне снова захотелось жить и любить. И я стала влюбляться в раненых. Я ухаживала за летчиками и за танкистами, мы разговаривали, потом они выздоравливали и возвращались на фронт, и я каждому обещала писать письма и ждать, поступали новые раненые, и я приходила к ним и приносила им радость, и сама была счастлива. А потом война кончилась, все радовались и плакали от счастья, а я плакала, потому что мне было грустно, ведь с войной кончилась и моя любовь... Я поступила в мединститут, папа снова был с нами, и он часто рассказывал о своих рейсах и зимовках, и мама стала записывать его рассказы, и получилась книжка! Я этой книжкой просто зачиталась и даже не раз подумывала перейти в речной техникум, а потом решила, что на флоте тоже нужны врачи, и я буду морским врачом. Книжка была написана просто и о простых делах – рейсах, зимовках, штормах, ледоходах, о простых людях, но мне они виделась героями, особенно – третий штурман Виталий Плотников, которого папа упоминал почти на каждой странице и все время нахваливал,

какой он молодец! В моем воображении Виталий Плотников предстал в облике Евгения Самойлова, моего довоенного «любовника», и когда я впервые увидела его, попав на папин теплоход, Виталий был именно таким: строгий, но не скучный, взрослый (он старше меня на восемь лет), в застегнутом на все пуговицы кителе с выпущенным поверх ворота свитером. Вот этот свитер поверх кителя меня просто убил. Вскоре мы поженились, и я поняла, какой Виталий хороший: заботливый, не жадный, правильный... – Наталья вздохнула: – Но не орел!» «А я?» Наталья привлекла его к себе: «Ты – орленок! Но я из тебя сделаю орла!»

Глава четвертая

Занимались «вечерники» в здании финансового управления, в самом центре города, рядом с горкомом, горсудом, управлением милиции. В дни занятий Клим после работы ехал на левый берег («в город», – как говорили на правобережье), чаще всего на такси, и в оставшиеся полчаса до первой лекции заходил в «Лакомку», выпить кофе с бутербродом. Однажды он застал в «Лакомке» Вику и не сразу узнал ее во взрослой городской девушке, машущей ему рукой. И то: последний раз он ее видел тем летом, когда работал мастером, юную, солнечную, единственную, а эта Вика была как все... Клим подошел к ее столику со стаканом и тарелкой в руках. «Ой, – затараторила она, словно они только вчера расстались, – я тоже после работы люблю тут посидеть, особенно зимой: тепло, уютно». «А ты где работаешь?» «А тут рядом, в горсуде. Я на вечерний юрфак поступила, очно же нет, ну, папаша и устроил, можно сказать, по специальности, только мне не нравится, но ты же знаешь моего папу, как он привык матросами командовать, так и на заводе командовал всеми, теперь вот в райкоме, а дома – нами с мамой командует! – Взглянула на часы: – Ой, я побежала, у нас лекция начинается!» У двери обернулась: «До свидания – здесь, завтра!» Клим долго смотрел на дверь, словно ожидая возвращения Вики, но не этой взрослой, современной, городской... На другой день Клим подъехал на такси к зданию горсуда, расплатился и стал ждать Вику. Она вышла на крыльцо в коротком

пальто, с непокрытой головой, в компании двух женщин постарше, одетых еще по-зимнему. Она увидела его, уже привычным жестом махнула рукой, попрощалась с женщинами и пошла к нему своей танцующей походкой: «Ты что ли меня ждешь?» «Что ли тебя». «А я только подумала: хорошо бы сейчас Клима встретить! – И она уверенным жестом взяла его под руку. – Куда пойдем? Я хочу в парк!» И они пошли в парк, постояли над рекой, по которой еще плыли редкие льдины, но тут было ветрено, Вика съежилась, сникла, они пошли к выходу и вскоре сидели в модном кафе и пили вино. «Согрелась?» – спросил он. Она покивала головой. «Рано еще... без головы». «А ты со всеми... такой заботливый?» «Здесь и сейчас – ты для меня все и всё». Она помолчала. «Да, наверно, так и надо. А я вот не могу...» «Чего ты не можешь?» Она пожала плечами: «Не знаю. Там, на берегу, мне так хотелось, чтобы ты меня обнял и поцеловал, но если б ты попытался, я бы... убежала. Потому что ты женатый, а я осенью выйду замуж». «Замуж? – удивился Клим. – Так рано?» «Ты что! Рано! Да я уже старая дева!» Поняв, что проговорилась, покраснела, но Клим сделал вид, что пропустил ее слова мимо ушей, и участливо спросил: «Я его знаю? Он из Речного?» Она покачала головой: «Мы же в райцентр переехали, он после строительного техникума мастером работал, а сейчас в армии. Придет, и мы поженимся. – Взглянула исподлобья на Клима: – А тебя в армию возьмут?» «Я – лейтенант запаса». «Ты – лейтенант? Вот это да! В двадцать лет!» «Да нет, мне скоро двадцать два. А по виду меньше двадцати пяти не дают». «А чем занимается лейтенант запаса?» Клим помолчал. Значит, Вика ни разу им не поинтересовалась, не спросила про него у отца; правда, про женитьбу знает. «Работаю на судоремонтном заводе, в сметном отделе, учусь на вечернем, как и ты». «Так, значит, ты тоже прогульщик? – обрадовалась Вика. – Вот здорово! А где ты учишься?» Он рассказал. «А у меня в Иркутске подруга учится, помнишь, Новый год вместе встречали? У нее мама биологичка, и она на охотоведа поступила! Ты когда в Иркутск поедешь на сессию?» «В конце мая». «А у нее как раз регистрация на тридцатое назначена! Поедем вместе?»

«Поедем, – сказал он; от ее веселости ему почему-то становилось все грустнее. – А ты фамилию менять будешь?» «Буду! И, знаешь, как меня будут величать? Виктория Великая!» «А жениха как зовут?» Вика от смеха чуть не упала со стула: «Его звать – Петр!»

Жила Вика у бабушки, матери Волохова, в частном доме за мостом над мелкой речушкой. Попрощались у темной ограды. «Поцелуй меня», – попросила она и закрыла глаза. Под светом далекого фонаря ее губы казались черными, мертвыми, но оказались живыми, горячими, и Клим оторвался от них с трудом. «Теперь ты не старая дева», – сказал он. «Дурак! Издеваешься над девичьей бедой!» «Так и будешь ждать?..» «А что, есть варианты?» «Есть. В Иркутске я лишь тебя невинности». «Я подумаю», – ответила она самым серьезным тоном. В Иркутск он прилетел за два дня до начала сессии, потому что получил от руководства задание ознакомиться с постановкой сметного дела в соседнем бассейне. И первый день он провел в управлении парходства, на Чкалова, а вечером устроился в парходской гостинице, представляющей собой обычную трехкомнатную квартиру на первом этаже «хрущевки». Правда, добираться до этих хором пришлось через весь город: по мосту с одного берега на другой, на трамвае, потом пешком в гору мимо частных домов с палисадниками, зато как пахло черемухой, какой был красивый закат! Наутро он побывал в институте, отметил, узнал расписание, а потом весь день ходил по городу, посидел у Ангары, вода которой была так чиста, что четко виднелись камни на метровой глубине, выстоял очередь за байкальским омулем, а еще купил вина и всякой вкуснятины, благо в гостинице был холодильник. На другой день он встречал Вику в аэропорту, и они увидели друг друга издали и замахали руками – он с балкона аэровокзала, а она из толпы прибывших, о чем потом рассказывали друг другу, трясясь в переполненном трамвае. День был жарким, Викина грудь была горячей и потной, он чувствовал это, стоя перед ней и оберегая от натиска толпы. И первым делом Вика приняла ванну, а он занялся столом. Она вышла из ванной в коротком легком халате и шлепках. «С легким паром! Прощу к столу!» «Прямо

так? В халате?» «Лучше – без халата!» «А можно – не все сразу?» «Можно, но все сразу – интереснее!» Все же она скрылась в своей комнате и вышла в белой маечке на голое тело, синей юбочке, белых носочках. Она поймала его взгляд и смущенно опустила глаза: «Можно я так?..» Они сидели за столом до самой темноты, разговаривали, смеялись, подначивали друг друга, потом вместе убрали со стола и вымыли посуду на кухне, и так же согласно, словно по давно заведенному порядку, легли в одну постель, она позволила снять с себя маечку и юбочку, но осталась в плавках, и ее недоступность придавала его ласкам особенную остроту и пикантность. Они заснули на рассвете, в крепких объятиях друг друга, и наутро Климу вдруг показалось, что такой счастливой ночи у него не было никогда, а Викины глаза сияли, как тогда на елке. В городе они расстались – она поехала в дворец бракосочетаний, а он пошел в свой институт. Лишь через две недели, когда он проводил ее к бабушкиному дому, и они остановились у ограды под тополями, Вика вдруг закричала шепотом: «Почему? Почему мы не сделали этого?» Он молчал. «Зачем мне все это, если нет тебя?» Он пожал плечами: «Я вот он, здесь». «Тебя в моей жизни нет! Понимаешь? В моей жизни!»

В декабре Вика пригласила его на свадьбу. Гуляли в столовой совнархоза, известной на весь город. Главной фигурой на свадьбе был Юрий Васильевич Волохов, очаровавший всех; под стать ему была красавица Вика в коротком белом платье с кружевным капюшоном-фатой. Татьяна Петровна рядом с ними выглядела бедной, забитой и забытой родственницей. Петр Великий оказался не велик ростом, но плотен, кряжист и сразу понравился Климу. «Как с работой?» – спросил он после поздравлений. «Да все нормально! Мастером взяли на стройку, комнату на подселение дали. Так что, все путём!» Вику их сближение почему-то не обрадовало. Она вдруг поднялась из-за стола и выскочила за дверь. «Невеста сбежала! Невеста сбежала!» Клим поднялся: «Я верну ее!» Он нашел Вику на самом последнем этаже, она стояла у перил и смотрела вниз, в лестничный проем. «Я со всем одна! – шептала она, устраиваясь на его плече. – Совсем-совсем!» «Ты не

одна, – смеялся он, целуя ее холодные губы, – ты пьяна!» «А помнишь, – спросила она, – помнишь Новый год?» «Я все помню». «Зачем же тогда все это?»

Как-то весной, в день, свободный от занятий, он подкараулил ее у горсуда и пошел провожать на автобусную остановку: Волохов купил им кооперативную квартиру в новом доме на Юго-Западе. Вика вдруг остановилась и взяла его за руку. «Хочешь его... потрогать?» Он усмехнулся: когда же у него будут свои дети? Но сквозь все ее одежды все-таки прорвался и погладил ее теплый, заметно выпирающий живот, а она повернулась к нему и прошептала: «А помнишь, как мы спали в обнимку, словно дети, а в окно пахло черемухой!» И он понял, что у них с Викторией все уже было, и эта встреча – лишняя, она ничего не добавит в их отношения.

Он вернулся домой с дипломом, ему было двадцать пять лет, свой сметный отдел, где он стал начальником, он давно уже перерос, хотелось двигаться дальше – неважно куда, вверх ли, в сторону ли. И его тестя (а, может, его неродная теща?) знал это не хуже его, и уже через несколько дней его вызвали к Гаврилову, заму начальника пароходства по кадрам, и тот предложил ему место начальника отдела труда и зарплаты в пароходстве: «Сметное дело – очень важное и ответственное, ты молодец, что поставил его на заводе, у иркутян опыт перенял, диплом защитил, только в ОТЗ работа живая, там, брат, не втулки и цилиндры, там люди: их зарплаты, премии, надбавки, пенсии...» «Нормы», – подсказал Садовников, зам по экономике. Гаврилов кивнул со вздохом: «Нормы, эти их мать! Сколько с ними всегда мороки! И без них нельзя, надо работать грамотно, а не наскоком! Понял задачу?» Клим поднялся на ноги: «Понял, Иван Григорьевич!» «И на новую квартиру переезжать готовься. Здесь, рядом, через дорогу. Однокомнатную ты мог бы и раньше получить, но мы тут решили: лучше подождать. А у нас главного в Москву забрали, вот и получилась передвижка». Клим взглянул на бывшего тут же тестя: ведь в этом доме напротив живет самое большое флотское начальство живет, а тут он, мальчишка, сопляк. Но Плотников только кивнул головой, подтверждая слова Гаврилова.

Отметить все эти события – окончание вуза, новое назначение, предстоящее новоселье – решили у Плотниковых. Собрались впятером, без Юльки, которая проходила практику в пионерском лагере, и в центре внимания оказалась Анечка – умница, красавица, первоклассница. «Вам теперь надо с новой школой определяться, – говорила Наталья. – Пожалуй, лучше всего записаться в ту, в которой я училась». Надя обвела всех выпуклыми глазами: «А нас запишут?» «Нас – запишут! – отчеканила Наталья и встала из-за стола. – Пойду отравлюсь». Клим это понял как знак следовать за ней. «Как ты можешь с ней жить, – говорила Наталья, стоя у открытого окна, за которым шумел вечерний город. – Это надо же – так вляпаться!» Подождала, пока он поднесет в ее сигарете спичку, затянулась с усмешкой: «На всю оставшуюся жизнь...» Он молчал, а хотелось ему сказать ей вот что: «Ты же сама, неродная моя тещенька, виновата, что она мне даже ночью не нужна». А вслух сказал: «Я вам с Виталием Петровичем так благодарен!» Она нехорошо засмеялась: «А при чем тут Виталий? Он тут не при чем. Его самого тащить надо, столько глупостей наделал! Дядя Ваня как-то сказал: может, тебя обратно в капитаны отправить?» «А дядя Ваня – это кто?» Наталья отвела руку с сигаретой от лица, чтобы получше рассмотреть «зятя»: «Дядя Ваня? А я даже не знаю, кто это: дядя Ваня да дядя Ваня, он всегда был рядом с нами, папе говорил: “Если бы не было тебя, я бы на Сонечке женился!” Помогал нам, когда папа на зимовке был. А потом дядю Ваню взяли на фронт, а папу посадили, и мы остались совсем одни, зато сколько радости было, когда дядя Ваня вернулся живым и весь в орденах! Каюсь, я его в тот момент больше папы любила!» «Дядя Ваня – это Иван Григорьевич Гаврилов? Зам по кадрам?» Наталья кивнула. «Вон оно как!» – протянул Клим, не испытывая никакой радости от почти родственной близости к сильным мира сего. «Так что у нас с тобой в запасе пять, от силы семь лет. К тому времени всем замам будет за шестьдесят, потребуются новые кадры. Надо, пока дядю Ваню на пенсию не отправили, поставить тебя замом по экономике. Садовникову уже пятьдесят пять, так все и выйдет, если

грамотно будешь себя вести. Ну, а мы с дядей Ваней в нужное русло все направим». Затушила сигарету, взглянула на Клим: «Ну?» И он подошел и обнял ее. «Будешь целовать, – прошептала она, – пепельницу?» «Буду, – шептал он. – Ты моя самая любимая пепельница!» «Мне будет сорок пять, всего лишь сорок пять!» – шептала она. – Меня еще хватит надолго, я тебе обещаю. Только ты реши проблему!» «Какую?» «С Надей своей». «Как?» «Закопай! – хрипло засмеялась: – Нет, конечно, найди мирные средства, ты же пообещал мне стать орлом! Обещал?» «Обещал...» «А что это вы делаете?» – услышали они голос Анечки. «Твой папа держит меня за руки и не разрешает курить!» – пожаловалась Наталья. «А тетям нельзя курить!» «Умничка! – восхитилась Наталья. – Вся в папу!» И подмигнула Климу, в ответ он успел больно ущипнуть ее. Наталья даже охнула, на что Анечка отреагировала вполне адекватно: «Вот видишь, бабушка! Никогда больше не кури!»

Глава пятая

Сдавая ему дела, Галкин, прежний начальник, наказал: «Инициативы не проявляй, жди, пока не прикажут. В политику не лезь. Разведи бюрократию: на каждый вопрос у тебя бумажка, иначе загрызут. И не дай бог оказаться меж двух огней!» Клим начал с бюрократии – с положения об отделе и папок с делами. Понял, что главные задачи отдела: планирование, организация, контроль, учет и анализ труда и зарплаты; премирование, соцсоревнование, штатные расписания. Следить, чтобы зарплата не росла быстрее производительности труда. В отделе сидели вчетвером: он и три специалиста, женщины предпенсионного возраста. Прежний начальник работал с ними с молодых лет и, по рассказам, к концу карьеры уже мало чем отличался от них: придя на работу и сев за стол, ловко, без рук, переобувался в тапочки, активно и заинтересованно участвовал в «бабских» разговорах, делился сам и записывал кулинарные рецепты, жаловался на болезни. Гаврилов сказал, что в новом здании у начальника отдела будет свой кабинет, а пока... Клима это «пока» поначалу напрягало, но потом он увидел, что женский коллектив ничем не хуже, а в чем-то даже

лучше мужского, из бывших механиков, в котором он работал больше пяти лет. Женщины относились к нему тепло, по-матерински, это было спокойнее и проще, чем если бы они были его ровесницами или чуть старше. Больше трудностей было во внешних связях, с начальниками других служб и отделов, мужиками старше его на пятнадцать-двадцать лет, прошедшими севера и притоки. Но и здесь как-то все образовалось. Помогали два фактора, прежде всего то, что Клим был сыном известного на флоте шкипера: «Кто же не знает Степана Гордеева! Знаменитый шкипер! Гордость всего флота!» А второй фактор – ресторан в правом крыле речного вокзала – еще больше способствовал хорошим отношениям: «За сына шкипера! За новые кадры!» Однако Наталья, которой он поведал о своих первых успехах, охладила его пыл: «Ты сильно-то не обольщайся! Они при случае тебя с потрохами съедят!» «За что?» «Завидуют они тебе! Они сколько лет к своему месту шли, а ты получил его в двадцать пять, и это только начало!» И Клим тут же вспомнил Корнеева, мужика грамотного, с очным высшим образованием, но засидевшегося в замах по эксплуатации и уже потерявшего все надежды на генеральские шевроны; на Клима он смотрел как на пустое место, и тот старался не попадаться ему на глаза, решая все вопросы с начальником службы Поповым Сергеем Ивановичем, его бывшим соседом по дому в Речном, бывшим капитаном «Маяковского». Тот был по-прежнему улыбчив, приветлив, в то же время точен и обязательен.

Разговор этот состоялся на новоселье. Им удалось уединиться («перекурить») всего на несколько минут, Клим успел лишь прижать Наталью к стене и провести рукой по плотно упакованной в колготки ноге. «Когда?» – прошептала она. «Жди. Я позвоню». Несмотря на все заботы Плотниковых о Климе и его семье, домами они не дружили. Клима с Надей не приглашали ни на праздники, ни на дни рождения, даже на сорокалетие Натальи. Та не терпела Надю и не хотела выносить на широкое обсуждение прошлое своего мужа. И на Юлькиной свадьбе, которая прошла в октябре семидесятого, Клима с Надей не было. Правда, в дом бракосочетания Клим

пришел и цветы молодым вручил, но потом его оттерли в сторону, и он, не дождавшись приглашения ни от Юльки с молодым мужем, ни от Плотниковых, ушел и на свадьбу не пришел, потому что даже не знал, где новобрачные и их гости гуляют. А замуж Юлька вышла за одного из известных в молодежной среде братьев Гринченко, правда, Клим так и не выяснил, за какого из них: так они были похожи. Когда бы Клим ни шел по главному проспекту, он всегда встречал братьев: высоких, видных, спортивных, обаятельных. Тогда еще всюду бурлил Брод, и они были его королями. Климу было лестно, что они стали здороваться за руку и перебрасываться несколькими дружескими фразами после того, как постояли в пивбаре за одним столиком. Закончив технологический институт, самый известный в городе, братья стали работать в НИИ, располагавшемся в здании бывшего совнархоза, и Клим встретил их как-то в «совнархозовской» столовой, на праздничном вечере по случаю 8 марта, куда его неожиданно пригласила возникшая вдруг из небытия Вика. И в загсе они сердечно обнялись сначала с одним из братьев (женихом), потом с другим (не-женихом), и оба спросили про Вику, и он понял позже, что как это часто бывает на свадьбах, братья приняли его за Юлькиного знакомого, а Юлька – за знакомого братьев.

«Переживаешь? – спросила Наталья, позвонив в понедельник ему на работу. – А ты как хотел? Чтобы все сразу и много? Нет, дорогой, так не бывает! Ты добейся, чтобы тебя приглашали!» Он положил трубку. В самом конце рабочего дня она снова позвонила: «Ресторан “Север” знаешь? Приезжай, жду». Они сели за плотной занавеской, и Наталья предложила отметить и ее юбилей, и свадьбу дочери: «Я потом фотографии покажу, а теперь давай выпьем!» «За тебя! Ты – такая!.. И ты правильно сегодня сказала. Я добьюсь всего, что ты захочешь!» Они выпили, и она сказала: «Я хочу только одного, но чтобы этому ничего не мешало». «А сегодня этому ничего не мешает?» Она молчала, поигрывая вилкой. «Да или нет?» «Клим, – медленно выговорила она, – ты когда-нибудь можешь проявить инициативу?» Он усмехнулся: «А меня старшие учат: никакой инициативы!» «Это Галкин, что ли? Тоже мне учитель! Как он с женой

двух парней?.. Из ЦК, что ли, позвонили? – приблизила к Климу свое увядающее, но все еще прекрасное лицо и прошептала-прошипела: – Да стоит мне пальцем пошевелить – у меня будет “люкс” в лучшей гостинице, сауна на двоих, дача в сосновом бору!» «Зачем же я тебе?» Клим знал, что улыбка его выглядит кривой, а слова обидными, но не мог ничего поделаться с собой. «Зачем? А зачем замужняя баба устраивает свидание в ресторане, за шторами, чтобы знакомые не увидели? Да я первые годы домой, к мужу, как на крыльях летела! А сейчас... – Из закрытых глаз потекли черные слезы. – Чуда мне хочется! Любви мне хочется! Ба-а-абой себя почувствовать хочется!» «Хорошо, – сказал он, – я проявлю... инициативу». «Да уж! Ну, давай за тебя!» Потом они пили за любовь, за тех, кто в море, за детей, и Наталья показала, наконец, фотографии Юльки. Среди свадебных, похожих на все свадебные фотографии, вдруг оказалась открытка с лицом актрисы: смело откинута с высокого лба волосы, взгляд в невидимое и неведомое, загадочная полуулыбка. «Кто это?» – спросил Клим дрогнувшим голосом. «Это Юлька! Ты не узнал, что ли? Это ее самая удачная фотография, я ее всем показываю!»

Клим не сразу пошел домой, а долго ходил по мокрым, засыпанным большими желтыми листьями улицам. Что он знал о Юльке? Закончила школу, поступила на филфак, каждое лето – в пионерских лагерях, вышла замуж за одного (какого же?) из братьев Гриневичей, учится в аспирантуре... Он видел ее всего-то три-четыре раза, они даже не общались, но, оказывается, она жила где-то в уголке его сердца или чего там, если ее фотография всколыхнула все в нем, и он вдруг понял, что все эти семь лет ждал, ждал, ждал... Надя встретила его привычными претензиями: сижу, жду его, а он не торопится, где-то опять набрался, когда это кончится? Больше всего он ненавидел ее дико провинциальный, резкий, горловой голос; он напомнил ему что-то далекое, противное, стыдное и притягательно порочное. Он долго мучился, пока не вспомнил: таким рыдающим голосом говорила Грунька, когда рассказывала и показывала... «Ты чё завелся-то? – говорила Надя ночью. – А то днем даже не смотрит! Да

ладно, мне не жалко!»

С Борисом, ставшем главным инженером порта и въехавшем в трехкомнатную квартиру, они по-прежнему встречались по пятницам в спортзале речного училища и играли все в той же команде, члены которой поднимались по служебной лестнице, как то и предсказывал Борис. Однажды Борис пригласил его в портовскую сауну и, за кружкой пива в предбаннике, сказал, поглаживая все более выпирающий живот: «Вот ведь, прет и прет. И Светка – родила и дома сидит – тоже вширь растет... – Вздохнул. – Я вот что думаю. Надо нам с ней развестись...» «Да ты что? – изумился Клим. – Вы такая пара! Мы с Надей смотрим на вас и – радуемся!» Борис расхохотался, обнажив крепкие белые зубы: «Я имею в виду: в порт после декрета ей не надо возвращаться! Возьми ее в свой отдел, у тебя Панкратова на пенсию уходит. Возьмешь?» «Возьму!» «Давай за это коньячку, а то с пива только толстеешь... Я тебе вот что скажу: надо нам дружнее быть и помогать, не взирая ни на что. Сейчас, видел, какая обстановка в пароходстве?» «Обстановка» в пароходстве изменилась совершенно неожиданно и, по мнению всех, несправедливо по отношению к прежнему начальнику: его в пятьдесят семь лет заменили на Попова. «Новый, из капитанов, своих потащит, таких же заочников, а не нас, с настоящими дипломами». «Я тоже – заочник». Борис махнул на него мощной рукой штангиста: «Не прибедряйся! У тебя – хорошее образование!» Под «заочниками» Борис имел в виду полтора десятка капитанов, механиков и штурманов из Речного, которых Гаврилов еще лет пятнадцать назад в шутку пригрозил снять с должности, если не получат высшего образования, да те и сами все понимали и скопом сдали документы в местный УКП. И теперь у Гаврилова не было проблем с замещением должностей начальников портов, пристаней, отделов и служб.

Замена Панкратовой на Светлану оказалось делом далеко не простым: Садовников ему прямо сказал, что «сверху» он получил указание взять на место Панкратовой некую Гнилину, жену преемника нынешнего начальника пароходства на капитанском мостике. Но Клим уперся, и Гаврилов взял его сторону. Клим спешил теперь на работу

чуть ли не с трепетом: в углу, под самой вешалкой, сидит чудесная женщина, смотреть на которую – одно удовольствие. Перед октябрьскими праздниками собрались в ресторане в правом крыле речного вокзала. Во главе стола был новый начальник пароходства, перескочивший через ступеньку, чего сроду не бывало. И хоть то и дело вспоминали прежнего начальника, который всем казался бессменным и незаменимым, все понимали, что рано или поздно заменят всех. Но навигация прошла на-ура, в крайкоме, чтобы поддержать своего ставленника, подали в Москву документы на орден. Правда, Гаврилова за столом не было, одни говорили, что приболел, другие – что не ладит с новым начальником. После демонстрации собрались в кабинете начальника узким составом, приехали директор завода и Плотников. Пили коньяк, курили, говорили все разом, Плотников подвел Клима к новому начальнику: «Ну как, Сергей Иванович, наш молодой кадр?» Клим потупился: с такой же улыбкой его приветствовал отец: «Здравствуйте, товарищ диспетчер!» Сергей Иванович улыбнулся: «Старается!» И почему-то развел руками.

Они с тестем перешли дорогу, подерживая друг друга, и поднялись в квартиру Клима. Надя обрадовалась, засуетилась, выставила на стол заготовленное на праздник, Анечка устроилась на коленях у деда, и вышло неожиданно хорошо, по-доброму, по-семейному. Они с Виталием Петровичем о многом поговорили, и тот даже повинился, что они не позвали Клима с Надей на юбилей Натальи и на Юлькину свадьбу. Надя для приличия поинтересовалась, как молодые устроились, и Клим кинул благодарный взгляд на супругу. «А мы кооператив им устроили, далеко, правда, на Кольцова, зато тоже двухкомнатная, как у вас, только в новом доме, с телефоном. – Повернулся к Климу: – Запиши: дом 12, квартира 14, телефон 2-32-17, позвони по-родственному». Клим кивнул: «Я запомню».

И он не только запомнил, но и позвонил. Из автомата. Она ответила сразу: «Да, я слушаю». Голос живой, веселый, приглашающий к общению. «Здравствуйте, Юля». «Здравствуйте, а кто это?» «Я объясню, кто я, когда мы встретимся». «Вы назначаете мне

свидание?» «Да». «Но я не могу... с незнакомым человеком». «Все близкие люди когда-то были незнакомы». «Подождите, я запишу эту гениальную фразу!» «Зачем? Я подарю вам при встрече сборник своих афоризмов!» «О! И еще раз о! А что вы еще мне подарите?» «Все, что вы пожелаете!» «Я бегу! Где мы встретимся?» «Я подъеду к вашему дому на такси». «Вы знаете, где я живу?» Она выскочила из подъезда без шапки, в распахнутой шубке и высоких сапогах. Клим усадил ее на заднее сиденье и сам хотел устроиться рядом с водителем, но она ухватила его за рукав: «Я с тобой хочу!» Вблизи ее распущенные волосы выглядели не очень чистыми, сквозь нанесенную пудру просвечивала синева от сведенных прыщей, черная коленка светлела белой затяжкой, но все равно это была Юлька, та самая Юлька, Сониная внучка и дочь Натальи с Виталием. Машины занесло на повороте, они подались друг к другу и уже не размыкали объятий. «Куда мы едем?» – удобно и как-то очень привычно устроившись на его плече, спросила она. Первоначальный маршрут – ресторан «Север» – отпадал из-за домашнего, скажем так, Юлькиного вида. Клим наклонился к водителю: «В аэропорт!» «Ты улетаешь? – разочарованно спросила Юлька. – Куда?» «Я – инопланетянин!» – рассмеялся Клим. В полупустом ресторане аэровокзала они устроились в самом дальнем углу, Клим сделал заказ: салат, горячее, коньяк. Он предпочитал водку, но решил присоединиться к Юлькиному выбору. «Итак, – сказала она, – за знакомство! Как тебя звать, инопланетянин?» «У меня редкое имя...» «Начинается на Ы?» «Ты угадала: Ыосыф!» Юлька хохотала долго, до слез: «Так вот какой вы, Ыосыф Выссарыоновыч!» Успокоилась, вытерла слезы: «Смеялась – значит, плакать буду». Подперла подбородок ладошкой и уставилась на Клима. Глаза у нее оказались зелеными, в чудных ресницах. «Откуда ты взялся?» Он показал: оттуда, сверху. «И больше я ничего о тебе не узнаю?» «Пока нет. Расскажи о себе». «А что рассказывать. Учусь в аспирантуре. Ничего не делаю. Умираю от тоски...» «А почему ничего не делаешь?» «Потому что не хочу», «А почему ты пошла в педагогический?» Она в удивлении подняла брови – красивые, тонкие: «Разве у

вас наверху не все знают? Потому что я хотела посвятить себя литературррре, как моя бабушка-филологиня, а теперь вижу, что это такая пошлость, все эти Ажаевы, Бабаевские, Бубенновы, куча Васильевых, Гладковы... Конечно, есть Булгаков, но о нем даже статью нельзя написать». Клим усмехнулся: выдать, аспирантская программа по литературе еще хуже школьной, и как здорово, что ему нравилось – и удавалось – всю жизнь, начиная с пяти лет, читать не по программе, а сегодня «Юность», «Новый мир», «Наш современник», «Иностранка» спасают его тусклыми вечерами в новой квартире с любимой женой и обожаемой дочкой... И он начал свое перечисление: «Но есть же Аксенов, Вознесенский, Евтушенко...» Юлька махнула рукой: «Ты еще Гладилена с Элигием Ставским назови!» «Ну, а Шукшин, Белов, Астафьев, Распутин?... Да и у нас есть очень интересный писатель, Анатолий Петров». «Послушай! – вскричала Юлька. – Кто у нас аспирант кафедры русской литературы?» «Аспирант – ты, а доцент – я!» «Ой, как здорово! Мы будем встречаться, разговаривать о литературе, и ты поможешь мне!» Клим покачал головой: «Тебе никто не поможет...» «Что? Даже так?» «...кроме самой себя». «Ты не только Прекрасный, ты еще и Мудрый!» – сказала Юлька. «Насколько я помню, Мудрым был Ярослав. А Иосифов было два: Прекрасный и...» «Страшный!» «Я хотел сказать – Сильный. А сила может быть всякой: страшной, доброй, губительной, слепой...» Юлька покачала головой: «Ты говоришь не о силе, а о любви! Это она может быть слепой и зрячей, ведь, правда?» И так это было сказано, так близко, по-родному, с такой надеждой и мольбой! «Я любил одну женщину, – сказал Клим, – она умерла...» «И ты?...» «У меня не стало моей жизни». «А у меня есть... моя жизнь... А больше ничего. – Вдруг спросила: – А что тебе больше всего понравилось у Анатолия Петрова?» Петровым Клим заинтересовался по его книжке рассказов – что-то было в них близкое ему, особенно в деталях: тусклый свет лампочки в коридоре, запах талого снега, дым над осенними огородами. А потом Петров выстрелил романом, откровенно, беспомощно и жалко отрицающим всякую «жизненную правду»: девчонка, мечта-

ющая о море, добилась зачисления в мореходку, пошла в первый рейс, и всюду ей встречались одни светлые личности; вначале Клим откровенно потешался над несуразицами, встречающимися на каждой странице, и вдруг увидел в Кате Вершининой – Аню, шестнадцатилетнюю курсантку, и что-то произошло – то ли с ним, то ли с книгой... «"Катя Вершинина"». Юлька кивнула: «Когда мне становится плохо, я говорю: Катя, помоги мне, и открываю книгу. А когда – совсем плохо, я открываю Алину книгу. А поскольку мне всегда – либо плохо либо совсем плохо, то эти книги всегда со мной. – Помолчала, видимо, ожидая вопросов, и не дождавшись, продолжала: – А плохо мне знаешь почему? Если б у меня ничего не было, я жила бы себе и жила. Но у меня такое чувство, что у меня что-то было, – в какой-то из прежних жизней, но я прошла мимо, не заметила, не обратила внимания, а теперь не могу вспомнить: что это было?» «Ты просто боишься вспомнить», – сказал Клим. Юлька кивнула: «Ты снова прав. Как написала Аля...» Клим поднял руку: «Подожди! Я вспомню!

Я хотела тебя всей душой,
Я же знала, что ты где-то рядом,
Я искала тебя жадным взглядом,
И молила – чтоб не подошел».

Объявили «его» иркутский рейс. «Мне пора», – сказал он, прямо и пристально глядя на Юльку, словно хотел донести до нее то, что он сейчас думал: да, я обманываю тебя, но только потому, что этот обман связал нас с тобой, он реализовал мою мечту о тебе. В аэровокзале Юлька остановилась у входа в ювелирный киоск: «А ты богатый?» Клим утвердительно кивнул. После того, как Надя прошла ученичество и закрепилась на должности оператора машино-счетной станции пароходства, у них на двоих выходило около пятисот в месяц. «А я – бедная. У нас с Игорем и двухсот не выходит, а надо платить за кооператив». «А родители?» «Они считают, что мы всего должны добиваться сами». Клим узнал слова Натальи. «Купи мне что-нибудь на память, ты же обещал». Клим, все годы жизни в городе обеспечивавший семью продуктами, практически всю наличность носил с собой. «Выбирай!» И Юлька выбрала самое яркое, но, на взгляд Клима, довольно аляповатое украшение из золота

– подвеску на цепочке. А он бы подарил ей скромное на вид колечко с небольшим камнем (как потом оказалось, аметистом) за шестнадцать рублей. Юлька нацепила подвеску и чмокнула его в щеку: «Я буду любить тебя – если ты мне будешь делать подарки!» Ну что ж, грубо, зато откровенно. Он отправил ее на такси, заплатив водителю три рубля. Тот полез за сдачей, но Клим мотнул головой: «Не надо». Юлька, в распахнутой шубке, прижалась к нему грудью, животом, бедрами. «Ты не забудешь про меня?» – шептала она. Он засмеялся: «Я не забуду про тебя». Когда такси отъехало, он вернулся в аэровокзал и купил кольцо.

А между тем приближалась навигация семьдесят первого года, и Климу пришлось выезжать в заводы и порты на партхозактивы, и если везде они проходили спокойно, по протоколу, то в Речном было море вопросов, и все к нему. Пришлось объяснять, что при новой системе стимулирования не будет диких, по большей части дутых, 150-170 процентов, максимум 125, зато каждый процент перевыполнения плана станет дороже оцениваться. Мужики гудели, возмущались, кричали: «Начальство, поди, себя не обидит!» «Один с сошкой, а семеро с ложкой!» И на это у Клима был ответ: диспетчера, наставники, другие специалисты будут премироваться по итогам работы своих групп, с учетом мнения старших капитанов: «Образуется, условно говоря, хозрасчетный коллектив, с единым премиальным фондом...» Его перебили: «А почему – условно?» «Надо сделать, как у моряков!» Новый начальник пароходства, выезжающий на все партактивы, вертел в руках авторучку и поглядывал то в зал, то на Клима, и тому не понятно было, одобряет тот его или порицает.

После партактива, который проходил в Доме Культуры, на ужине в банкетном зальчике заводской столовой из местного руководства были директор Власов, главный инженер Белкин и недавно назначенный заместителем директора по флоту Олег Скиба; злые языки говорили, что он за нынешнего начальника пароходства все контрольные делал, когда они учились заочно в институте. Ну вот, подумал Клим, не хватает только Лещинского и ботанички. Про Евгения Сергеича он уже знал, что тот уехал в

Ленинград и стал кандидатом наук. А ботаничка ему встретилась на крыльце заводоуправления, такая же красивая и влекущая: «Клим Степанович! Куда же вы убегаете? А я, можно сказать, только из-за вас пришла!..» «Вы должны меня простить, Зинаида Марковна: бегу навещать отца! – И склонился к ее руке: – Вы так прекрасно выглядите!» И услышал негромкое: «Спасибо, мой мальчик». В доме отца было многолюдно, шумно, весело. Через год после отъезда Клим с Надей и Аней отец женился на довольно еще молодой женщине, у которой была взрослая дочь. Дочь вышла замуж за штурмана, долговязого хохла, родила сына и дочь, и теперь все они колготились здесь, в трех комнатах на первом этаже. У отца была хорошая пенсия, но раз в трое суток он уходил на дежурство в будочку рядом с универмагом. Он выглядел помолодевшим, возможно, из-за короткой стрижки, и вполне счастливым.

Глава шестая

Навигация началась, как обычно: флот вытолкали из затонов, и он сначала всей своей массой навалился на Южный порт, потом вся эта громада скатилась вслед за ледоходом на притоки и в северные порты. На плановые линии теплоходы встали только в конце июня. План второго квартала орденосное пароходство выполнило с большим напрягом. Клим понимал, что многие в этом будут винить новую систему премирования. И не ошибся. Его вызвал начальник пароходства и, смущенно, а Климу показалось: радостно улыбаясь, сообщил: «Жалуются на вас капитаны! Говорят, что работаем так же, а получаем меньше!» Клим кивнул: «Я даже знаю, кто жалуется: капитаны колесных пароходов, у которых мощность меньше, а тяга больше. У них была завышенная премия, теперь она – реальная». Начальник махнул пухлой ладонью: «Да все это знали! Это вроде как доплата была – за условия их работы». «Сергей Иванович, это можно учесть коэффициентом, – как при работе на приколке. Там каждый тоннокилометр тяжелее дается». «Вот это вы правильно придумали! А сейчас нам надо северную группу на рельсы поставить. Поезжайте-ка туда. Садитесь на

“Маяковский” и по пути – пока туристы по музеям ходят – побывайте в портах и на заводах». И счастливо улыбнулся, вспомнив, видимо, пору своего капитанства на пассажирском лайнере.

В рейс уходили ранним утром. Клим еще не успел расположиться в отведенном ему люксе, которым распоряжалось не турбюро, а пароходство, как в дверь постучали. На пороге стоял бородач в форме. Судя по нашивкам, третий штурман. «Капитан распорядился перевести вас в другую каюту». «Что-о?» «Здесь поедет писатель Петров с семьей. Капитану звонил секретарь обкома, сами понимаете...» «Анатолий Петров?» – уточнил Клим. «Да вроде...» Клим разозлился: «Вроде! Это же самый известный наш писатель, классик, автор “Кати Вершининой”! Вы же туристов со всей страны принимаете и даже из-за рубежа! Вы должны им не только природу нашу сибирскую показать, но и культуру! Вы офицер флота, вы должны уметь все: говорить на иностранном языке, танцевать, писать стихи!» Штурман осклабился: «Насчет стихов – это у нас кэп! Все пишет и пишет!..» «Молодой человек, кэп, шеф – это после работы. А сейчас вы на службе!» – оборвал его Клим и стал надевать форменный пиджак. Штурман не мог оторвать взгляда от его нашивок: «Я...Это...Может, вы к капитану подниметесь?» «Зачем? Я с удовольствием уступлю эту каюту Анатолию Сергеевичу. Ведите, показывайте мою каюту». Тесная двухместная каюта вдруг оказалась ему тюремной камерой, даже окно перечеркнуто, правда, не решеткой, а ступенями лестницы. «Нет, вы не подумайте что! Вы тут будете один!» «Не дай бог! – усмехнулся Клим и повернулся к штурману: – А если ко мне в гости придет начальник порта? Мне что, на кровать его укладывать?» Штурман прыснул в бороду: «Давайте я вас к капитану провожу!» «Какой смысл? В люкс я все равно не вернусь. Что вы еще можете предложить?» Штурман замаялся: «Только это... второй класс». «Ведите!» Четырехместная каюта на первой палубе сразу понравилась Климу: за окном только вода и берег, никто не будет заглядывать в каюту, верхние полки подняты заподлицо со стеной, одна из нижних полок будет его постелью, другая – диваном для посетителей. Есть умы-

вальник, есть место для работы: стол, стул. «Я остаюсь здесь. Только, принесите, пожалуйста...» Штурман склонился в позе официанта. «...настольную лампу, кофейник, набор посуды на четыре персоны...» «Обедать вы будете в столовой экипажа», – как о великом счастье сообщил штурман. Клим представил казенную обстановку столовой, алюминиевые столы, запах камбуза, борщ, густо заправленный томатной пастой, неперменные макароны и чуть ли не закричал: «Нет! В ресторане! У меня этот... колит... или гастрит». Прозвучала команда на отход. Клим поднялся на вторую палубу и увидел Наталью. Она стояла в толпе провожающих и перебрасывалась фразами с женщиной из бухгалтерии пароходства, видать, своей пациенткой, а сама вглядывалась в лица пассажиров. Заметив Клина, сделала ему едва заметный знак: прижала ладошку к губам и, отняв ее от губ, дунула на нее. И он прошептал в ответ: «Спасибо, милая, что пришла! У меня никого нет, кроме тебя!» И был почти искренним.

Когда через два часа, наглядевшись и надышавшись, он спустился к себе, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок перед обедом, то не узнал свою каюту: белоснежное белье на одной постели, яркое покрывало на другой, на тумбочке сияющий никелем электрический чайник, фарфоровый кофейник, на столе медноногая лампа и ваза с цветами. «Чего еще надо?» – подумал Клим и вдруг его пронзило: а ведь это все неспроста! Его хотели унизить! И унизили! Этот капитан с красноречивой фамилией Гнилин, которого на флоте прозвали Писателем: чуть ли в каждом номере «Штурвала» появлялись его плохие стихи, бледные зарисовки, рапорты о выполнении планов экипажами судов, на флоте даже байка родилась – начальник пароходства говорит своему заму: «Спроси у Гнилины, на сколько процентов мы выполнили план?»; так вот этот Гнилин слушал его на партхозактиве с мерзкой, презрительной ухмылкой, а Наталья сказала как-то: хорошо, что они успели назначить Клина начальником ОТЗ еще при старом начальнике пароходства, Сергей Иванович точно протащил бы в это кресло своего старпома Гнилины, как хотел, чтобы место Панкратовой заняла гнилинская жена.

И, когда появился штурман, чтобы позвать его на обед к капитану, Клим едва сдержался, чтобы не послать его. «Передайте мою благодарность “кэпу”, но я хочу пообедать в одиночестве».

Но в одиночестве ему пришлось находиться за столом недолго. Перед ним остановилась и попросила разрешения присесть такая красивая и модно одетая женщина, что Клим встал и смотрел на нее, раскрыв рот. Женщина рассмеялась, чем несколько снизила впечатление: она смеялась вульгарно: «Давайте уже сядем и познакомимся. Меня зовут Дина Петровна, я – директор рейса. Я пришла, чтобы принести извинения от имени нашего турбюро за то, что вас пришлось переместить из люкса...» «Да ладно, чего там! Я прекрасно устроился!» «В ваши годы я тоже считала, что скромность украшает!» Клим остался без внимания, что она напрашивается на комплимент: «Ах, да вы еще так молоды!», поэтому только поинтересовался: «И что же вы приобрели, когда поняли, что скромность не украшает?» Дина Петровна снова вульгарно хохотнула: «Теперь мне понятно, почему вы так быстро сделали карьеру!» Клим покачал головой: «Я не сделал карьеру...» «Да, конечно, вы ее еще делаете! Вы еще ого-го где будете!» «Вина хотите?» «Хочу!» Дина Петровна сделала знак официантке, та принесла бутылку вина и налила в два бокала, подложив под бутылку белую салфетку. «Спасибо, Люсенька, – сказала Дина Петровна и обратилась к Климу: – Вас как лучше называть: Климентий Степанович или Клим Степанович?» Клим вспомнил Юльку: «Юсыф! – И рассмеялся: – Да просто Клим, мы же в разных конторах». «Тогда я – просто Дина». «Сила!» «Да, в переводе на русский... Так вот, Клим, – сказала Дина, отхлебнув из бокала, – ты меня здорово поддел. Если хочешь добиться чего-то, про скромность надо забыть. Но это совсем не значит...» Она замолчала. «Мне – как врачу: надо говорить все!» «Это почему так?» «Потому что только в таком случае я смогу помочь тебе». Она посмотрела на него сквозь наполненный бокал: «Ты считаешь, я нуждаюсь в помощи?» «Конечно! Ведь ты одинока». «Почему одинока? У меня прекрасный муж...» «Я о другом. Ты одинока, потому что вырвалась из одной среды, а в

другую не вписалась...» «Откуда ты это знаешь?» «Потому что я сам такой». «Что ты еще про меня знаешь?» «А ты не запустишь в меня бокалом?» Дина внимательно оглядела бокал: «Пожалуй, нет». «Ты сейчас мучительно думаешь вот о чем: опять надо идти к этому говнюку, от него так противно пахнет, но не идти – нельзя, он мне такие гадости может устроить!» Она долго молчала, потом, словно бы с трудом, проговорила: «Ко всему прочему, как мужчина – он никакой. И это, как ни странно, еще больше привязывает его ко мне. Он знает, что я никогда не снизойду до...» «А ты скажи ему, что готова переступить через свою... порядочность. Не ходи к нему, а если он станет возникать, скажи: Я хоть и сильная женщина, но и у меня есть определенные слабости...» «И в чем же моя слабость?» «Твоя слабость – это твой страх». «Страх? Ну, уж тут ты не прав!» «Так это ты говоришь ему: я, мол, боюсь, что однажды проговорюсь о твоих необыкновенных мужских достоинствах». «Это что же? Выходит, он у меня на крючке?» «Выходит, так». «Но, Кли-и-м! Я же не ду-у-ра! Почему я сама этого не поняла?» «Ты хотела, чтобы пришел я и помог тебе». Она помотала головой и обхватила ее руками: «Ты меня совсем... заколебал! Я забыла, зачем пришла!» «Ты принесла, – он показал на бутылку, – извинения». «Да нет же! Мне позвонил этот говнюк и сказал, чтобы я уступила тебе свою каюту! Пойдем, ты посмотришь и решишь!» Он отрицательно покачал головой: «Мне от него ничего не надо!» «Я – сама! Клим, я – сама!» «А можно – я просто приду к тебе в гости?» И она закивала пышно причесанной головой: «Можно! Можно! Можно!» Клим засмеялся: «Я насчитал три ночи!» «А обратно ты с нами не пойдешь?» «Нет, я расстанусь с тобой и возвращусь самолетом. И еще. Ко мне будут приходить директора и начальники. Можно, я их буду принимать у тебя, вернее, у нас?» «И что все подумают?» «Все подумают, что Гордеев – очень важный мужчина, если прошел мимо такой ослепительной женщины!» Дина улыбнулась: «Между прочим, я закончила иняз, так что все поняла! А за комплимент спасибо! Только... Желание ослепительной женщины – не в счет?» «В счет. Я за все расплачусь». Дина вскочила на ноги: «Жалко, я дала

слово – не запускать в тебя бокалом. Почему ты меня... не уважаешь?» Он поднялся: «Я говорю это – чтобы спасти тебя». Она вдруг успокоилась и поглядела на него благодарным взглядом: «Я буду ждать тебя... спасатель!»

Он пришел к себе и с удовольствием улегся на диване. Господи, думал он, как он устал за эти полдня! Но ему не дали насладиться покоем и одиночеством. В дверь робко, чуть слышно, постучали. Он открыл дверь и увидел невысокого лысоватого мужчину в мятом костюме. «Это вы – Гордеев Клим Степанович?» «Я». «Извините... Простите... Я пришел извиниться. Это вас я... выселил». «Так вы и есть – Анатолий Петров? Автор “Кати Вершининой”?» Мужчина радостно заулыбался, закивал. «Проходите, Анатолий Сергеевич! Как здоровье, что вы пришли! А про каюту забудьте, вас там, мне сказали, четверо». «Я, жена, две дочери! И так мы хорошо устроились в вашей каюте!» «Перестаньте! Видите, как у меня хорошо!» «Очень хорошо! А главное, – он оглянулся и зашептал: – Главное: вы один!» Клим усадил его на диван, достал бутылку коньяка. Глаза писателя плотоядно блеснули, чувствовалась многолетняя практика. Выпили, и он спросил: «А ты прочитал “Катю Вершинину”?» «Прочитал! И – влюбился в Катю! Такая она – целеустремленная, гордая, и в то же время – простая, земная, милая!» Петров покачал головой, соглашаясь: «Милая, вот именно милая!» – Взглянул на Клима влажными глазами: – Я же “Катю...” на этом теплоходе писал, с натуры. Шли в конце августа из Северного, я на палубе пообщаюсь с «натурой» – девочкой-школьницей, а потом иду к себе и до самого утра пишу, пишу! Никогда так хорошо не писалось!» Пилось ему тоже хорошо, однако вначале Петров укоризненно и неодобрительно взглянул на бутылку с пятью звездочками: «Зря ты так тратишься, на эти деньги можно три портвейна купить!» Выпили коньяк, писатель повалился на диван и заснул, почмокав яркими, чуть вывороченными губами. Клим задремал на своей постели, когда в дверь снова постучали, но на этот раз решительно и громко. «Не заперто!» – крикнул он. В каюту – не по очереди, а все сразу, вошли трое, и он мигмом понял, кто это, это от них известный советский писатель бежал к нему.

«Не стыдно? – заговорила привычным плачущим голосом жена писателя, пожилая седовласая женщина. – Мы его специально от этих пьяниц-писателей увезли, а у него и здесь собутыльники!» Больше всего Клима возмутило и обидело, что дочери писателя смотрели на него, как на какое-то мерзкое насекомое. Он хотел было тут же выставить всех за дверь, но сдержался и выполнил свое желание только на две трети: «Вы, девушки, идите погуляйте, а мы тут с вашей мамой поговорим!» Дочери Петрова, услышав явную угрозу в его голосе, испуганно переглянулись и вышли. «Присаживайтесь, извините, не знаю, как вас зовут». «Дарья... Дарья Семеновна». «А меня зовут Клим Степанович. – Усадив ее на диван рядом с мужем, сел напротив на свою кровать. – Дарья Семеновна, хочу вам объяснить, что ваш муж пришел ко мне с извинениями. Я их принял и, по русскому обычаю...» «Да вы понимаете, что ему эти обычаи противопоказаны! Он свою цистерну уже выпил! Я же с ним тридцать лет маюсь! Я же его от смерти спасла, выходила, в люди вывела, а жизни как не было, так и нет!» «А как вы с ним познакомились, Дарья Семеновна?» «Да как... – Она посмотрела в окно, словно вглядываясь в свое прошлое, потом взглянула на Клима, и он поразился происшедшей в ней перемене: перед ним сидела интересная женщина с печалью в больших глазах и усмешкой на красиво очерченных губах: – Вы знаете, что он воевал?» «Нет! Не знал! Его же год не призывной!» «Он убежал на фронт, был сыном полка, а потом уж действительную служил. А когда отслужил, Сталин указ выпустил, чтобы у демобилизованных форму отбирали и отправляли их по домам, в чем на войну пошли. А Толе в чем ехать? Он и возмутился, собрание какое-то было, он встал и сказал: как же мы, победители, к своим родным в обносках придем? Его и посадили. Их часть в Грузии стояла, его держали в одной камере вместе с грузинами, которые на стороне Гитлера воевали. Как они глумились над ним! И сослали их всех в Сибирь, под Иркутск, где строился комбинат для переработки угля на нефть. Из Германии все оборудование вывезли, там оно работало, а у нас почему-то не стало... Толя сначала был на общих, на самых тяжелых

работах, а потом наловчился, показал себя, назначили его бригадиром монтажников. Здесь у них и работа была полегче, и питание получше, и зарплата хорошая. Только грузины и здесь не давали покоя. Сами не работали, а со всех бригад деньги собирали и в каждую бригаду по грузину устроили, тот не работал, а деньги получал. Русские терпели-терпели, а потом устроили грузинам... Великую Отечественную войну. Всех железными пиками закололи, а Толя с грузином, который у них работал, в колодце схоронился, весь день в ледяной воде вдвоем простояли. Я Толю потом спросила: “А ты-то почему от своих прятался?” А он говорит: тогда и мне бы пришлось железную пику взять, а я, говорит, уже навоевался...” «Дарья Семеновна, подождите минутку! – Клим поднялся, подошел к тумбочке, в которой устроил «бар». – Давайте вина выпьем!» «А давайте, Клим! Нашу жизнь без вина никак нельзя вспоминать: сердце не выдержит! Думаете, я Толю не понимаю, почему он пьет? Только нельзя ему, он же больной насквозь. Тот грузин из колодца седой весь вылез и Толю вытащил, потому что Толя уже на ногах не стоял. Положили его в больницу, а я в соседней деревне жила и санитаркой в зоне работала. Тут Сталин умер, Толю освободили, я его к себе в дом привела, вроде как поженились мы, а уж расписались после. Толя долго болел, работать не мог, и по дому никакой помощи, все на мне. Мучился он сильно, а как-то попросил тетрадей купить и ручку с чернилами. И стал писать... А на стройке газета выходила. Попросил Толя, чтобы я отнесла туда его писанину. Стали его печатать в газете, а потом и на работу взяли, когда он поправился. Рассказы его в Иркутске отметили, на писательское совещание вызвали, а потом он в Москве на литературных курсах учился, там познакомился с Сердюковым, который здесь был в то время главным у писателей, тот его и сманил в этот город, квартиру пообещал. А я, как Толя в Москву уехал, уже и не чаяла, что он вернется, кто я ему, мы же не расписаны были. А он приезжает и говорит: “Пойдем, распишемся, а то квартиру не дадут!” А я уже одна жила, обоих родителей схоронила, справили мы свадьбу вдвоем, никого не пригласили, а потом такая у нас ночь была, такая ночь! Что

уж тут скрывать, я и не знала до той ночи, что так бывает, да и после, считай, не знала, может, от того и пьет Толя... А тогда мы лежим, светать уже начинается, окно открыто, черемухой пахнет, и Толя говорит: "Слышь, Даня, соловьи поют!" Толя – то родом из-под Курска, а я и не слышала никогда, чтобы соловьи в Сибири пели. И Толя потом рассказ написал, "Соловьиная ночь", хотел мне посвящение написать, я говорю: ты что, меня же засмеют, пусть думают, что ты мне с другой изменил... И ведь многие так и думают, письма пишут, в любви признаются, а ему уже и не надо ничего, кроме пишущей машинки да бутылки портвейна». Последнюю фразу она произнесла грустно, горько, безнадежно. И тут за ее спиной возник Петров, свежий и бодрый, словно после купания в речке: «Даня, ты как здесь?» Супруги ушли, пригласив Клим в гости. Но он так и не воспользовался их приглашением, зато Петров прибежал к нему тайком, чтобы выпить стакан-другой портвейна.

На третий день пути проходили место гибели каравана и рождения Клим, и неожиданно для него теплоход сделал оборот, подошел к берегу и Клим нашел на верхней палубе штурман: «Клим Степанович, поедемте на берег!» Они выехали втроем: штурман, Клим и парнишка-практикант. Клим собрал голубеньких цветочков и постоял у могилы, а практикант ловко и быстро покрасил памятник белилами. Возвращался Клим на судно под взглядами трех сотен туристов и пассажиров, стоявших на всех палубах в глубоком молчании, и сразу же поднялся в рубку. «Спасибо», – сказал он вопросительно взглянувшему на него Гнилину, тут его голос сорвался, и Клим сделал было шаг навстречу капитану, но тот не двинулся с места и ответил подчеркнуто сухо: «Не за что. Мы выполняем приказ». И дал команду рулевому идти на оборот. Клим повернулся и вышел из рубки. Дина увидела его лицо и все поняла. Наутро штурман вывез его на теплоход-толкач, капитан которого был старшим в северной хозрасчетной группе экипажей. Он прибыл на толкаче в Северный порт и несколько дней провел там, коротко сойдясь с его начальником Витей Масловым, который считался в пароходстве лучшим коммерсантом и первым бабником – сменил четырех жен; на этот раз его

женой была длинноногая Тамара, летающая по дому в коротком халатике.

«Маяковский» вернулся раньше, чем прилетел Клим, Гнилину успел обойти все нужные кабинеты, и, когда Клим появился в управлении, его тут же вызвали к начальнику пароходства. Тот, лучезарно улыбаясь, дал почитать ему письмо экипажа, возмущенного недостойным поведением начальника ОТЗ: вел себя высокомерно, игнорировал командиров, ежедневно потреблял спиртные напитки, водил к себе женщин... Клим прочитал и посмотрел на бывшего тут же Гаврилова: «Мне написать заявление?» Тот отвел глаза, а начальник пароходства улыбнулся еще радостнее: «Если б ты был беспартийным, мы бы вопрос решили сами! А раз ты – в партии, то она и будет решать твою судьбу!» «Ну, – сказал Гаврилов, – рассказывай!», когда Клим вошел вслед за ним в его кабинет. И Клим рассказал – почти все: «... Женщин я к себе не водил. Ко мне приходила лишь жена писателя Петрова с дочерьми в поисках мужа, с которым, я, каюсь, выпивал несколько раз». Гаврилов долго молчал, потом спросил: «Ты сам понимаешь, что натворил? Ты ведь всех нас... обокрал! Что тебе стоило придти к Гнилину, выпить с ним, похвалить его – а его есть за что хвалить! А ты обиделся, что тебя выселили из люкса!» Клим хотел было возразить, но решил промолчать: пусть считают его мальчишкой и выскочкой, с такого меньше спросу. «Мы тут решили собрание не собирать, обсудим тебя на парткоме. Ты там так же четко, как мне. И ничего лишнего!»

Предложение секретаря парткома, бледного, тихогоголосого, неприметного, бывшего когда-то капитаном «самоходки», – объявить выговор – не набрало голосов. Ограничились предупреждением и предложением управлению пароходства рассмотреть вопрос о соответствии Гордеева К.С. занимаемой должности. «Бежать тебе надо отсюда подальше, – сказал Гаврилов, когда они пришли в его кабинет. – Есть у меня вакансия начальника пристани в Таловке. Она приписана к порту, так что поезжай сейчас прямо к Базарову». «А он кто сейчас?» «Пока ио, но, думаю, что Москва утвердит его». Борис поднялся ему навстречу, обнял, подвел к посетительскому столу, сел напротив: «Ну, что написала

эта гниль, я знаю. А что было на самом деле?» «Выпил пару раз с одним хорошим, талантливым и слабым человеком...» Базаров придвинулся ближе, насколько ему это мог позволить живот: «Ну, а Динку?..» Клим опустил глаза: «С горя...» Базаров захохотал: «С горя! Где бы мне такое горе найти!» «Да брось ты! Твоя Светлана – всех Дин стоит!» «А ты откуда знаешь? – продолжал веселиться Борис. – То-то она мне твердит: я не верю ни одному слову Гнилины!» Клима бросило в жар: он после возвращения боялся взглянуть в глаза Светланы, вдруг он там увидит такое же презрение и обиду, как в Надиных глазах. «А теперь давай серьезно. Работы в Таловке еще много, лес до конца октября будет поступать, но коллектив там хороший, работают давно, дело знают. Жить будешь на дебаркадере, там и отопление, и баня. – Встрянул мощными плечами: – Эх, я бы сейчас на пару туда с тобой! Вот бы погуляли!»

И Клим стал жить и работать в Таловке. В понедельник уезжал первой «Ракетой», а в субботу последней возвращался в город. С Надей они ночевали в одной комнате, не стали показывать Ане, что семья рушится. К началу ноября все работы на пристани были закончены, работников отправили в отгулы и отпуска, а Клима Базаров посадил в коммерческий отдел: «Займись навигационным отчетом! Сделай грамотный экономический анализ!» На демонстрации Клим дико простудился, его ломало и корежило три дня, третью ночь он метался в жару, в бреде; ему вдруг захотелось припасть к горячему телу Нади, казалось, лишь в нем его спасение... Проснулся он здоровым. Надя отправила Аню в школу и пришла к нему в постель: «Как ты думаешь, Клим, меня за один день прогула не уволят с работы?» Он привлек ее к себе: «Пусть увольняют! Лишь бы ты была со мной!» «Правда? Ты хочешь – со мной?» Неожиданно перед ним возникло лицо Светланы: она смотрела на него такими грустными глазами, словно он уходил не из их отдела, а из ее жизни. Он помотал головой и сказал Наде: «Только с тобой!»

Базарова перед Новым годом приказом министра назначили начальником порта, и он, пригласив Клима в свой кабинет на рюмку коньяка, раскрыл

ему карьерные перспективы: «Посиди пока ио в коммерческом отделе, а как утвердят новое штатное, назначим тебя замом по экономике. И еще вот что, – Базаров неожиданно потупился, словно стыдясь чего-то: – Нам нужно претензионную работу поднимать, а то столько дел проигрываем! Мне тут порекомендовали одну: молодая, активная, с высшим юридическим образованием – как раз то, что нужно!» Клим пожал плечами: «Да я как-то не считал, что мы плохо работаем по претензиям. Дело поставлено четко, с клиентами всегда находим общий язык». «Да не возникай ты! Просто мне позвонили оттуда! – И он поднял указательный палец. – Ты не думай, что я обошел тебя, вот ее заявление, без твоей визы все равно не будет приказа». Он протянул руку к стопке бумаг и положил перед Климом заявление Вики: «Ты же знаешь, что Великая – дочь Волохова, зав транспортным отделом обкома, что я мог поделаться?» «А ей зачем это нужно? Я же знаю ее, она в горсуде работала». «Да что-то там не сложилась, а здесь она будет под папашиным контролем, и если проявит себя – мы ее тормозить не будем! Ну что, визируешь?» «А куда деваться?» «Это точно! А Волохов может и дальше пойти, для флота это очень важно!»

И Вика появилась у них в отделе после Нового года – деловая, строгая, взрослая. Никаких личных (лишних) разговоров они не вели, ровно в пять женщины расходись по домам, а Клим шел к Базарову на вечерние «посиделки». И все же разговор состоялся – на праздничном вечере по случаю Восьмого марта в портовской столовой, на котором блистал Базаров: дарил подарки, целовал ручки, танцевал, пел. У Клима отчего-то все больше портилось настроение, и Вика что-то поняла, потому что сама пригласила его на танец. «Что с тобой, Клим? – спросила она. – У тебя все хорошо?» «Все хорошо. А у тебя?» «Да как-то не очень. Я с сыном переехала к родителям, так мне удобнее, мама на пенсии, квартира в центре, а Петр – ни в какую. Живет в нашей квартире один, хотя – один ли?» «Что же дальше?» «А ты, как старший товарищ, что посоветуешь?» Ему хотелось сказать, что Петр – не пара ей, тем более, сейчас, когда Волохова прочат в секретари обкома; у Петра развился комплекс, и

он будет только нарастать. «Петр учится в институте?» «Да не хочет он! Я, говорит, повидал этих “теоретиков”, ничего не знают и не умеют!» «Зря он так. Ему надо в чем-то утвердиться, а без высшего образования, сама знаешь...» «Значит, у нас с ним нет будущего?» «Я этого не сказал». «Но подумал?» «Какая разница, что я подумал?» Она опустила глаза: «Зря ты так, ведь мы... ведь у нас...» Танец кончился, и он повел ее к столу. Она вдруг поглядела на него с лукавой улыбкой: «А хочешь, я Базарова соблазню?» «Не надо...», – но она уже шла к Борису, и вскоре они стремительно пронеслись мимо Клим с такими откровенно счастливыми лицами, что он тут же ушел по-английски.

Вскоре они поехали с Базаровым в министерство, и Клима утвердили замом начальника порта по экономике. В этот день Климу исполнилось тридцать лет, вечером в номере на Пятницкой они напились вдрызг, и Борис вдруг признался, что запал он на одну; сначала думал, что все это так, несерьезно, а теперь вот о разводе со Светланой подумывает: «У нас уже давно с ней ... раздрай. Квартиру разменяем, я им с Ленкой двухкомнатную сделаю, как рядом с тобой, в парходском доме. – Усмехнулся. – Будешь в гости ходить. Я же вижу, что вы с ней...» Клима встал на ноги: «Что – мы с ней? Да Светлана для меня – святая! Да если бы она была моей женой – да я бы ни с кем!..» «Осуждаешь меня? Так я все честно, открыто! И, думаешь, мне Светку не жалко?» «Ладно, – сказал Клима, – завязали. Убил ты меня, Борис».

Глава седьмая

И действительно, через год Светлана и ее дочь Лена заняли скромную двухкомнатную квартиру в панельном доме рядом с речным вокзалом, через дорогу от богатого «сталинского» дома, в котором жил Клима с беременной женой и сестренкой Аней. На Первое Мая Светлана с Леной были у них в гостях, и Светлана чуть ли не в слезах спрашивала Клима, когда он вышел их проводить: «За что? Что я ей сделала?» Клима молчал. Как молчал и часом раньше, когда Надя, наслаждаясь выпавшим на ее долю превосходством замужней женщины, размазывала Светлану по стен-

ке. Светлана отправила Лену спать, и они уселись с Климом на скамейке во дворе. «Рассказывай», – сказал Клима. «Что рассказывать? Как меня Борис бросил?» «Да. Как он тебя бросил?» «А он залетел! Баба, если залетит, аборт может сделать, а у мужика назад дороги нет... Ты хоть знаешь, кто его новая жена?» «Нет», – соврал Клима, хотя визировал приказ о предоставлении Великой декретного отпуска. «Ты что там, ни с кем не общаешься?» «Исключительно по делу». «А скажи, Клима, как здорово у нас было в отделе, когда ты был начальником! На работу шли как на праздник!» «Ты – тоже?» «А ты не замечал? Я же каждый день – что-нибудь новое: то прическу, то юбку покороче, то кофточку с вырезом. И ты смотрел!» «Я не смотрел!» «Смотрел, смотрел! Мне тетки говорили!» «Я – пялился! – признался Клима, не сводя глаз с мощных достоинств Светланы. – А когда говорил “тоже”, – то имел в виду себя. Это я шел на работу, как на праздник, потому что...» «Почему?» «...радовался, что увижу тебя...» «...старую, толстую, некрасивую...» «...твои глаза, твою улыбку, услышу твой голос...» «Ну вот, – сказала Светлана, помолчав, – теперь ты, как честный человек, обязан на мне жениться!» Клима вздохнул: «Увы! Я – не честный человек». «Да ладно, я же шучу, – сказала Светлана без намека на улыбку. – А залетел Борька с дочерью Волохова! Она же – землячка твоя и у тебя в отделе работала! Неужели он тебе не сказал?» После той попойки в Москве Базаров был с Климом подчеркнуто сух и деловит. «Будь она простым инженером – ну, переспал и переспал! А тут – как же! Доченьку надо спасать! И поставили Борьке условие: или – или! И он выбрал дочку Волохова и карьеру. И он по-своему прав, только я осталась, как дура с помытой шеей. – Взглянула на Клима с неловкой улыбкой: – Скоро вот собаку заведу...» «А что, других вариантов нет?» «Есть, Клима, и другие варианты, только я для них еще не созрела! Так что, видишь, какая я еще ... незрелая!» Он поднялся на ноги: «Можно мне... как-нибудь... зайти?» Она тоже поднялась, большая, поникшая, несчастная. «Можно. Но: если придешь, то уже не уйдешь».

И он не пришел. У него родился сын, у Нади с родами не все обошлось глад-

ко, пришлось обращаться к Наталье. «Сколько мы с тобой... не виделись?» – спросила она, когда они остались одни в ее кухне. «Двенадцать лет». Она кивнула: «Ты все правильно посчитал. Я думала, что дня без тебя не проживу, а уже двенадцать лет... Любownika вот завела. Карьерист, на мое место метит, а чем его еще удержишь?» Он молчал. «А ты чё так засветился-то с Динкой? Меня опозорил...» «А при чем тут ты?» «Правильно, я тут совсем не при чем. Тем более, что у тебя две бабы, одна – рядом, другая – через дорогу. Ты с ней как, справляешься? Ей же – о-го-го сколько нужно!» И он вдруг с умилением вспомнил Светлану, ее пышные прелести: «Маленькая моя! – подумал он. – Не надо нам собаки! Зачем нам собака?» «Вижу, что тебя ничем не прошибешь. Броня крепка, и танки наши быстры. Прямо как Плотников. Тому тоже ничего не надо. Спит в столовой на диване. А я – женщина, мне мужика хочется. Сколько мне еще осталось? Вон Соня – сколько лет без мужика. Юлька...» «А что Юлька?» «Да она же бросила своего Гриневича, с этим сошлась. С классиком. А потом жалуется: "Мама, он – никакой!"». «С каким классиком?» «Да с Петровым! Как-то, давно еще, мы из Северного порта с ней на "Маяковском" возвращались, и он прямо запал на нее, повесть написал, "Катя Вершинина". Кино поставили, на премьере они встретились, он ей признался, что забыть не может, а она – тоже дура, говорит, что спит с этой книгой. Он – на колени: "Будь со мной! Спаси меня! Брошу пить, начну новую жизнь!" А потом к своим "девочкам" вернулся, не могу, говорит, без них. Роман написал под названием "Возвращение". Юлька теперь в Сониной квартире живет». «А Гриневич?» «А тот в Юлькину квартиру женщину привел, правда, обещает все выплатить...» «Н-да, – сказал Клим. – Это посильнее, чем "Фауст" Гете». «Ты что! Гете отдыхает!» И они посмеялись, но смех был грустный и – прощальный. Оба поняли, что никогда уже им не быть вместе. «А почему? – подумал Клим. – Ведь мне ни с кем не было так хорошо, как с Натальей!» «А ты – молодец! – сказала она. – Сам поднялся. Я уж и не нужна тебе». «Прости меня», – сказал он. «За что?» «За то, что я не с тобой». Она прикрыла глаза, и из них

выкатились две черные слезинки. «А знаешь, что я думаю? У нас будет еще одна жизнь – здесь ли, там ли, мне все равно, – и мы будем вместе, и я тебе ни минуты не дам покоя. Ни минуты!»

Однажды Светлана пришла к ним в дом, принесла игрушки для Сережки и, жутко покраснев, спросила у Нади: «Ты мужика своего отпустишь со мной?» Та перевела взгляд со Светланы на Клима и обратно: «Куда?» «Да не в загс, не бойся. В театр!» Еще в пору жизни в портовском общежитии Клим и Светлана не раз ходили в театр вдвоем: Борис его терпеть не мог, а Надя сначала не могла ходить из-за Ани, а потом просто стеснялась выходить на публику с красавцем, как она считала, мужем. «Да идите! – с обидой сказала Надя. – Чё я вам!» Он подождал Светлану на той самой скамеечке во дворе, и они пошли в сторону театра, но неожиданно даже для самого себя он затащил ее во двор хлебного магазина и стал целовать в накрашенное и напудренное лицо. «Кли-и-им! – кричала она шепотом. – Что ты делаешь, Кли-и-им?» В перерыве они сидели за столиком и пили шампанское, когда Светлана наклонилась к нему: «Клим! На тебя смотрит такая женщина! Если бы я была мужиком!.. Правда, их двое, но вторая, хоть и моложе, но – потасканная, как...» Клим оглянулся. На него смотрели Соня и Юлька: «Клим! Иосиф!» Он поднялся и пригласил их к столу. Буфетчица, поймав его взгляд, принесла два фужера. Он разлил шампанское и поднял свой бокал: «Все тайное когда-нибудь становится явным. Меня звать Клим, и я муж Нади, которая Соне приходится неродной внучкой, а Юле – сестрой. А здесь, в театре, я со Светланой, которую давно люблю». «Ты забыл, Клим, – сказала Соня, – что прежде Евы была Лилит». Клим знал про Лилит – но не по библии, а по Алиным стихам, и теперь вдруг подумал, что он всю жизнь мечется между Евой и Лилит, между Небом и Землей. «Нет, Соня, я помню все.

Прежде Евы Лилит была –

Та, что яблоки не рвала¹ ».

Светлана сидела пунцовая, опустив глаза, а Юлька смотрела на бабушку, как на привидение. «Не рвала, Клим! Ох, не рвала! А знаешь, как хотела? Как я жалею, Клим, что не родила от тебя! Нашему мальчику было бы тринадцать

лет!» «Бабушка! – взвизгнула Юлька. – Что ты говоришь? Здесь же люди!» «Плевать! Лучше возьми и отбей его у... Как вас зовут?» Светлана поднялась и вышла из буфетного помещения. «Бабушка! Как тебе не стыдно!» «А чего мне стыдиться? Что в шестьдесят лет я все еще женщина, которая может любить, ревновать, ждать?» Он нашел Светлану возле гардероба. Ее не могли одеть, потому что номерок был общий. Оделись, вышли, пошли в сумерках по набережной, устроились на последней скамейке: «Маленькая моя!..» «Маленькая! Весом почти в сто кило!» «Не весом, а массой!» «А масса – легче?» «Легче! Я давно!.. Сразу!» «Я – тоже! Как увидела тебя! А сейчас...» «Что – сейчас?» «Ты думаешь: я пристаю к тебе, раз Борис меня бросил...» «А он тебя бросил?» «Бросил!» «Вот эти сто килограммов?» Светлана помолчала, потом скривилась то ли в улыбке, то ли в плаче: «Он же чемпион, что ему?»

Он пришел к Соне, и ему показалось, что она ждала его, потому что была в том самом платье, в каком была в театре. «Ты пришел?» – спросила она, и он вспомнил слова Светланы: если придешь, то не уйдешь. «Нет. Я вернулся». Он вынул из портфеля бутылку хорошего вина, и они сели на кухне. «Клим, – сказала она, – что тебе нужно от меня?» «Не знаю». «Ты честен со мной, и я – честно. Я мучилась, что полюбила мальчишку, в Ленинград сбежала, но все эти годы жила – воспоминанием о тебе. У меня никого нет, кроме тебя... И Юльки». Клим обвел глазами кухню, словно ища следы Юльки: «А сейчас – где она?» «Да встретила свою первую любовь, он ее еще со школы любит, живут в "гостинке"». Эх, Юлька, Юлька, подумал Клим, вовсе ты не то «вспомнила». «...А я так и не смогла на Ленинград поменяться, с Алей вдвоем жили, пока она на моих руках не умерла. Похоронила и вернулась – умирать». «Что ты, Соня?» «А что, Клим? Все под богом ходим». В прихожей он вспомнил про коробочку с кольцом, которую перед уходом из дома сунул во внутренний карман пиджака. «Соня! – сказал он неожиданно севшим голосом. – Это – тебе!» Но Соня почему-то не очень обрадовалась кольцу: может быть, догадалась, что оно предназначалось вовсе не ей.

Их следующая встреча состоялась в больничном садике. После инфаркта Соня стала белой и легкой как одуванчик. Божий одуванчик. Горько пошутила: «Угораздило же мужскую болезнь подхватить!» Рассказала, что ей выделили путевку в санаторий на целый месяц – для полной реабилитации. «Так что теперь мы с Константином Петровичем оба будем – реабилитированные». «Я приеду к тебе, Соня. На три дня». Она закрыла глаза: «Я все поняла. Это безумие, но я буду ждать. А если не дождусь – позаботься о Юлке». Он тоже понимал, что замыслил безумие, но понимал и то, что должен его совершить. Но Соня не дождалась его. Она скончалась накануне его приезда от второго инфаркта.

Глава восьмая

Прошло десять лет... Клим занимался хозрасчетом, комплексными бригадами, фондами стимулирования; порт прогремел на всю страну и был лучшим по всем показателям в регионе. Базарова несколько раз пытались перевести на партийную работу (с подачи Волохова, застрявшего на транспортном отделе), но тому каждый раз удавалось доказывать, что как начальник порта он принесет больше пользы. Клим получил новую квартиру, купил «Жигули», они с Базаровым организовали садовое общество и построили дачи по соседству; в отношениях с Викторией у него не было никакого напряжения, видимо, оба стали совсем другими. Так получилось, что Борькиной дачей занималась она и все хозяйственно-строительные дела решала с Климом. Он поддержал ее идею построить балкон в виде капитанского мостика и даже подарил ей на день рождения спасательный круг с «Иртыша»... Он несколько раз вывозил Надю за границу: начали, как водится, с Болгарии, дошли до Югославии, впереди была, как минимум, Италия. Детей – Аню и Сережку – они оставляли на две недели одних без всякой опаски, потому что Аня уже в шестнадцать лет была взрослой, самостоятельной, рассудительной, и в их отношениях с Надей трудно было иной раз понять, кто из них мать, кто дочь, и кто кого учит жизни. Надя теперь работала в порту, в отделе снабжения, на нее иногда жаловались самому Базарову, но он отвечал,

что в отделе снабжения должны работать именно такие специалисты. «Так то специалисты!» – вздыхал жалобщик.

Квартиру Клим получил от районных властей на улице Академика Шмидта, и это было ему на руку: можно было забыть о Светлане, зато через два дома жила Юлька, заботу о которой Соня возложила на него. Она снова осталась одна, он помог ей устроиться в речное училище, и вскоре о ее «лицейской» методике преподавания литературы заговорили в городе; опять же Клим уговорил ее писать диссертацию, теперь уже по педагогике, и раза два в неделю он приходил в Сонину квартиру, которая перешла к Юльке, чтобы за бутылкой вина обсудить ход работы над диссертацией и просто посплетничать. Юлька относилась к нему тепло, просто, породственному, и в то же время поверяла ему такие тайны, которые вряд ли женщины открывают мужчинам даже в самой дружной семье: он знал про всех ее ухажеров, она рассказывала самые интимные подробности семейной и внесемейной жизни своих подруг, и он всегда просил, смеясь: «Только не показывай на себе!» Надя была уверена, что он живет на две семьи, но ничего не предпринимала, считая, что так он на крючке и сделает, купит, достанет все, что она пожелает. Клим не пытался уверять ее в своей верности, понимая, что в любой момент уверенность Нади может превратиться в действительность. Но пока что ничего не предвещало этого: Светлана была далеко, а Юлькино отношение к нему все больше походило на отношение младшей сестры.

В сорок пять лет Базарова назначили начальником пароходства, а Клим занял скромный кабинетик его зама по экономике. Климу исполнилось сорок, впереди еще была целая жизнь, планы, задачи. Главную свою задачу они сформулировали так: у флота должен быть хозяин. Хозяевами стали заводы и заводы, к которым был приписан флот на обслуживание и ремонт. Но тут в стране началось такое, что перевернуло все их планы, надежды, представления о жизни. На своем пятидесятилетнем юбилее, отвечая на поздравления, Борис говорил так, словно прощался с ними. И самые пронзительные не ошиблись: Базарова перевели в министерство. Прощаясь с Климом, Борис сказал, пря-

ча глаза: «В Москву я тебя не возьму, а здесь тебя, как в анекдоте: если не посадят, то съедят. Знаешь, за что?» Клим кивнул: «Мы с тобой вперед паровоза забежали, а он, как мне кажется, в сторону сворачивает». И тут Борис простерся над своим столом, чтобы вблизи взглянуть Климу в глаза: «Да не в сторону! Не в сторону, а назад, к капитализму! Так что... Мне тут по великому секрету – сам знаешь, кто, – сказали, что надвигается такой катаклизм, по сравнению с которым Октябрьская революция – игра в "Зарницу"! России навяжут рынок, и лет на десять на все закроют глаза. Я, Клим, в Москве никуда не поеду, я там неподкупностью буду дорогу пробивать, а тебе тут – сам бог велел бизнесом заняться. А что от меня зависит – я все организую: связи, подписи, кредиты. И найди пару-тройку надежных людей. Из пароходства не бери, они привыкли, что Базаров с Гордеевым все решают. Ищи тех, кто уже покрутился в кооперативах, индивидуальной деятельностью занимался, совместные предприятия организовывал. Есть такие на примете?» И Клим сразу почему-то вспомнил Петра Великого, бывшего Викиного мужа: было в нем что-то свое, самостоятельное, чего не встретишь в пароходских мужиках, даже самых опытных и отчаянных, а возникший комплекс должен стать мощным стимулом к действиям. Он поднялся на ноги, вызвав удивленный взгляд Базарова: «А ты куда собрался? – В последние год-два орбиты Базарова и Клим все больше удалялись друг от друга, и Клим относился к этому адекватно и никогда не напрашивался на посиделки больших людей в комнатке, смежной с кабинетом начальника пароходства. – Для кого я стол накрыл?» И они усидели бутылку «Наполеона», но Клим никакой радости не испытывал ни от общения, ни от выпивки. Он все больше понимал, что Базаров десять лет пользовался им, они вместе разбазарили флот, раздарили его затонам, а теперь Базаров оставляет его на съедение, да еще и поводок не забыл затянуть на шею Клима: сиди тут и работай на меня. Борис вдруг заговорил о Светлане: «Я, конечно, виноват перед ней, но я же все честно сделал. Я же в главных, если бы со Светкой остался, и месяца не продержался. За чем тебе, говорю, муж-неудачник? А вот

ты...» «А что я?» «Ты вот как-то с ней не так поступил. Она так на тебя надеялась! Да и я думал...» «Что ты думал?» «Да не обижайся ты! Давай выпьем за нашу молодость! Помнишь, как здорово жили? Весело, дружно, честно! Эх, вернуться бы сейчас в ту жизнь, на нашу Портовскую улицу, дом номер два! – И вдруг предложил: – А давай сейчас к Светке поедим!» «Ты с ума сошел?!» «А что тут такого? Вспомни Витю Маслова, начальника Северного порта: он каждой жене по квартире оставил, к каждой в гости ездит, а у Марины всегда ночует, когда в парходство приезжает! А перед Светкой я чист: алименты – до копейки, Ленке машину купил. Иномарку! В городе таких ни у кого нет!» Клим пожал плечами. Ему уже было все равно. Светлана, увидев их, поблдевала и сделала две безуспешные попытки: одной рукой схватиться за сердце, а другой – захлопнуть дверь. «Светлана Николаевна! – уверенным баском проговорил Базаров, пропихнув свою “саламандру” в щель. – Мы тут посоветовались и решили, что нехорошо забывать старых друзей. Вы тут в порядок себя приведите, а мы на кухне похозяйничаем». И Светлана неожиданно молча и покорно впустила их в квартиру и убежала в свою комнату. Кухня поразила Клима чистой, а Базарова своим убожеством: «У меня меньше шестисот не выходит, она же две зарплаты получает!» А Климу вдруг так понравилось здесь, где место только для двоих, и вот оно, все под рукой: чайник, сахарница, полочка с посудой. Как хорошо было бы сидеть здесь со Светланой по вечерам и пить чай с вареньем! Именно с вареньем, подумалось Климу. И он посадил Базарова в угол у окна, чтобы тот не мешался, и тут же накрыл стол на троих из принесенного с собой: коньяк, вино, шпроты, фрукты. Он вел себя так по-хозяйски, что Базаров не выдержал: «Ты здесь часто бываешь?» «Ни разу не был». И тут вошла Светлана. Базаров встал и склонил голову. Конечно, будь у Светланы больше времени и выдержки!.. Но она и так была хороша: пышноволосяя, статная, с рельефными формами, тем более, что не стали включать свет. «Где Лена?» – спросил Базаров. «Подарил ей эту заразу и – спрашивает!..» «Понравился, значит, мой подарок?» «Понравился, – буркнула Светлана, усажи-

ваясь напротив бывшего мужа. – А ты, говорят, в Москву намылился?» «Переводят!» «А тебя всю жизнь переводят – как слепого через дорогу. В Москве-то нового поводыря найдешь?» «Зачем ты так?» «А ты зачем так?» Клим присел между ними, взглянул на Светлану: «Тебе вина?» «Ничего я не хочу... Если только цианистого калия». Тяжелое молчание кончилось тем, что Светлана хлопнула Клима по плечу: «Ну, любовничек мой многолетний! Наливай! Коньяку!» Выпив, заявила: «Эх, мальчишки! А жизнь-то кончилась! Моя жизнь кончилась! Мне же пятьдесят второй пошел!» И «мальчишки» молчали, потому что возразить им было нечего. При прощании возникла заминка. Клим вдруг с удивлением, близким к презрению, понял, что Базаров хочет остаться со Светланой: «Я хочу повидаться с дочерью!» «И что ты ей скажешь?» «Здравствуй, дочь!» «Очень оригинально! Просто блеск, как говорит Ленка! Только вот что я скажу тебе, безутешный отец...» «Почему – безутешный?» «Ну как же, ты ведь столько слез пролил, оттого, что не можешь видеть ее каждый день!» «Да, пролил!.. Если б ты только знала!» «Слушай, Базаров! Не строй из себя плачущего большевика, потому что ты не большевик! Да и нет сейчас большевиков, такая дрянь к власти лезет!» «Ты осторожнее!» «Ты еще милицию вызови! – Поднялась на ноги. – Вон из моего дома, пас-скуда!» Наверное, вот эта «пас-скуда» окончательно добила Базарова. Он неловко вылез из-за стола, с трудом разминувшись со Светланой, а та даже не пошевелилась, только часто и глубоко дышала. Базаров хлестнул Клима по лицу яростным взглядом, тот двинулся было за Борисом, но Светлана ухватилась за Клима, словно боялась упасть: «Не уходи! Не пущу!» И он остался...

Разговор с Надеей был, к удивлению Клима, деловым, без эмоций. Она предложила ему пожить пока на два дома: «Устрой Ане хорошую квартиру, а то они втроем в однокомнатной. Сережка через год в институт поступит, вот тогда и посмотрим, может, ты и уходишь передумаешь». Он растерялся: «А как ты?.. А как мы?..» «Клим, – сказала Надя, – ведь мы росли вместе, вспомни наши “игры”, мы так с тобой повязаны, ты мне и брат, и муж... Что нам какая-то

Светлана?» Ночью им было неожиданно хорошо, и она сказала ему со смешком: «А я же искать тебя побежала, к Юльке. К сестре своей...» «Ты думала, я – с ней?» «Ну да! А она говорит: да ты что, Надя, он же мне брат!» «Какой я ей брат?» «Я тоже говорю: раз он тебе брат, то и мне – брат, как же мы тогда смогли пожениться? А она говорит, что сколько угодно примеров, когда кузен женится на кузине». «А она не знала, что мы не брат и сестра?» «Не знала. Я уж пожалела, что открыла ей глаза. Я почему-то Юльки больше боюсь, чем Светки».

А утром, до ухода на работу, ему позвонили из Речного: умер Степан Гордеев. Клим повернулся к Наде: «Поедешь?» Та опустила глаза и отрицательно покачала головой. Похоронными делами занимался зять-хохол, обосновавшийся теперь на берегу в должности капитана-наставника. Все было организовано им четко, по сложившемуся в Речном трафарету, включающем не только церковные и даже языческие обряды, но и советские порядки, так что Клим в иные моменты ощущал себя не сыном покойного, а представителем руководства. На другой день побывал у директора завода Федора Михайловича, который сначала отчитался о заводских делах, а потом поведал о своих: женился на местной врачихе, двое детей, квартира, дача, все путем. Клим знал, что в Речном далеко не «все путем»: кадры не держатся, потому что никто не хочет жить в старых домах, а новые строятся долго, плохо, мало; народ пьет, молодежь занять нечем, преступность растет – но молчал: в управлении уже был решен вопрос о смене руководства завода, пока только не нашли преемника. Во время их беседы в кабинет вошел Олег Скиба, который не очень показал себя в должности заместителя директора по флоту, зато переставленный на снабжение развернулся во всю ширь. Клим знал, что другие мужья ботанички уехали из Речного, Власов – в Москву, Лещинский – в Ленинград. О них же вспомнил и Федор, потому что после ухода Олега Скибы порывался в бумагах и положил перед Климом желтенькую брошюрку: «Лещинский прислал автореферат докторской диссертации! А Власова, слышал, наверно, недавно утвердили начальни-

ком Технического управления. Мы тут только ахнули: вот так Зинка!»

По приезде с похорон Клим срочно принялся создавать фирму. Уже был опыт Бутовского предприятия, переданного в аренду его работникам, вышел Закон о трудовых коллективах, но все равно вопросов была тьма и, прежде всего, классический «Что делать?» в буквальном смысле слова. И оказалось, что лучше него, прятавшегося двадцать лет за спиной Базарова, в новой ситуации ориентируются такие, как Петр, который, хоть и не достиг иерархических высот, зато крутился, «химичил», обманывал, приписывал, спекулировал, в общем, готовился к жизни при диком капитализме: «Клим Степанович, да все просто! Чтобы жить – надо строить! Для строительства нужен песок, гравий, а дорожке всего – щебень. Вот им и надо заниматься! И весь процесс взять в одни руки: добыча камня, дробилка, сортировка, отсев, складские дела, перевозка». Когда Петр ушел из кабинета Клим с заданием узнать, за кого из заказчиков можно закрепитесь, Клим взялся было за трубку, чтобы позвонить Борису, но тут же положил ее на рычаг. Чем сейчас поможет из Москвы Базаров, только-только утвержденный начальником главка? Мудрым советом?.. Но звонить вскоре пришлось. Правда, по другому поводу. В пароходстве намечались выборы начальника. Базаров ему не советовал выставлять свою кандидатуру: «Понимаешь, раз ты зам по экономике, то должен пообещать им экономический рай. А Валерка, хоть и не экономист, с цифрами на руках докажет, что при такой грузовой номенклатуре возить придется больше, а получать меньше! И второе: если ты проиграешь, то рано или поздно тебя уйдут. А так ты можешь договориться...» Но Клим договариваться не стал. И начальником пароходства выбрали Валерку с судоверфи, которого Базаров поставил главным инженером и которому потом и порт передал. Плотников, в шестьдесят лет поставленный «на музей», сокрушался, когда они после голосования зашли в кабинет Клим выпить по чашке коньяка: «Как Гаврилов умер, так флотских и защитить некому! А все вы с Базаровым виноваты: свалили все заботы на затоны!» «Мы хотели, чтобы люди почувствовали себя хозяевами». «Хозяин на реке должен быть один! И жалко, что ты не стал им!» Клим про-

молчал. «Как у вас с Надей? Про тебя такое говорят!..» «Идем к разводу». «А по-другому нельзя?» Клим усмехнулся: «Вот как раз сейчас – по-другому...» «А Наталья-то моя: лучше бы он на Юлке женился, раз с Надей не хочет жить». И Клим вдруг подумал, что и к нему такая мысль все чаще приходит в последнее время.

Глава девятая

Клим продержался после Базарова в пароходстве три года, внедряя хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование. Пришлось изучить кучу методик, побывать на семинарах, пройти повышение квалификации в Ленинградском институте. В конце первого дня занятий он нашел кафедру гидродинамики, приоткрыл дверь заведующего: «Разрешите?» Заведующий кинул взгляд на его нашивки и, словно выброшенный из своего кресла пружиной, подскочил к нему, раскланиваясь и расшаркиваясь: «Здравствуйте! Проходите! Очень приятно! Позвольте представиться: доктор технических наук профессор...» «Извините, – сказал Клим, – я хочу увидеть Лещинского Евгения Сергеевича». И тут завкафедрой буквально заломил руки: «Он ушел от нас!» «На другую кафедру?» «Нет-нет, он ушел, как говорится, в мир иной!..» Клим оторопел: «Он что, умер?» «Вы присядьте, прошу вас! – Подождя, пока Клим опустится в кресло, снял трубку без диска: –Юлия Львовна, tea four two! –Повернувшись к Климу, развел руками: – Вынужден сообщить вам, что Лещинский Евгений Сергеевич скончался в октябре прошлого года, наложив на себя руки». Тут вошла Юлия Львовна, которой можно было дать от двадцати пяти до пятидесяти, в зависимости от того, на что обращается внимание: на руки, одежду, глаза, улыбку, голос... Вечером она нашла его в номере институтской гостиницы и все рассказала. Лещинскому «зарубили» докторскую, и главную роль в этом сыграли отрицательный отзыв Технического управления и кляуза завкафедрой в ВАК. «А я сама печатала и носила ему на подпись положительное заключение кафедры!» «Юля (они уже заканчивали бутылку «Арарата»), а кто подписал отзыв Технического управления? Власов?» «Нет, Клим, отзыв подписал его заместитель,

Петровский. Женя при мне звонил Власову...» «И что?» «Я поняла одно: кто-то этим Власовым крутит!» «Я знаю, – сказал Клим, – кто им крутит. Только зачем? Ведь она получила все, что хотела!» «Эх, Клим! Не знаешь ты баб! Вот ты смотришь на меня: немолодая, некрасивая, без высшего образования, чего ей надо? А мне, Клим, много чего надо! Я хочу, чтоб меня любили! Чтоб я была единственной! Чтобы все у меня в ногах валялись! И за это я готова жизнь отдать!..» «Свою?» – уточнил Клим. «И свою тоже! Ты думаешь, та, которая Женю погубила, не понимала, что она и себя убила?»

С «Валеркой» они практически не общались, тот во всем слушал зама по эксплуатации, который свою обиду (обошли, снова не назначили начальником) вымещал на том, что все больше вопросов решал сам. Зато у Клима сложились деловые отношения с Валентином, игроком их футбольно-волейбольной команды, ставшем главным инженером. Они разработали систему хозрасчетных отношений заводов с управлением пароходства, какой не было в отрасли ни у кого. И еще, похоронив АСУ с ее многоэтажем металла, проектов, программ, штата сотрудников, стали внедрять систему автоматизированных рабочих мест на основе персональных компьютеров. Появился компьютер и у Клима на столе, и он стал переводить в цифры всю документацию, подключив специалистов из отделов и программистов. И когда все системы, курируемые Климом, заработали, его сняли. Произошло это в девяносто первом, перед навигацией. Всю зиму страна бурлила, в пароходстве ходили из кабинета в кабинет, обсуждали последние новости: объединение Германии, Нобелевская премия Горбачева, штурм телецентра в Вильнюсе, референдум о будущем разваливающегося на глазах Союза... Клим в этих сборищах не участвовал, он почувствовал, что смертельно устал за эти горбачевские семь лет; после двенадцатичасового рабочего дня в пароходстве и своей фирме хотелось уткнуться в теплые женские колени, но Надя то «Огонек» читала, то смотрела ТВ-передачи из Москвы, а Юлька вдруг привела к себе мужика младше на двенадцать лет, чуть ли не аспиранта. Светлану досрочно от-

правили на пенсию, и она стала злой, раздражительной, плаксивой; пришлось ее срочно спасать. Он посадил ее в офисе, который снимал в здании снабженцев, у Олега, пятого из их команды в группе здоровья. Они появлялись здесь втроем рано утром, потом Клим уезжал в пароходство, а Петр гонял по объектам на подержанной «иномарке». Светлана исполняла обязанности секретаря, бухгалтера, кассира, таксировщика и сидела в конторе целый день. Однажды он приехал в офис после работы и не узнал Светлану: никогда она не выглядела так вызывающе привлекательно. «Хоть бы ты меня пригрела», – вырвалось у него. «А что, – сказала она, – и пригрею. Знаешь, сколько я ждала?» «Сколько?» Рассмеялась: «Люди столько не живут!»

Про свое увольнение, после которого ему ничего не предложили, он тут же позвонил в Москву. «Не переживай! – закричал Базаров. – И работу не ищи! Надо укреплять наше предприятие! Сними новое помещение, оборудуй кабинет, чтобы не стыдно было гостей принимать! А гости появятся, тут один закон на днях примут, он все вверх дном перевернет!» И Базаров помог ему снять новое помещение в центре города. Петр нашел строителей, и те оборудовали четыре кабинета, в каждом установили офисную мебель и компьютеры. А Светлана в новом офисе расцвела еще больше, и, возвращаясь домой, он отмечал, как невзрачно и жалко выглядит Надя. Как-то он вышел после работы со Светланой – крупной, видной, в красивом платье. «Как ты изменилась!», – сказал он. Она засмеялась: «А ты знаешь, чего мне это стоило? Я растратила на барахолке все, что копила на черный день!» «На какой черный день?» «Я же все, что получала от Бориса в эти десять лет, складывала на книжку». «И не тратила? Почему?» Она пожалала покатыми плечами: «Не знаю». «Там же должно быть не меньше двадцати тысяч!» «Ты забыл про проценты!» «И ты все истратила?» «Да почему все? Когда меня сократили, я переживала, как дура, а как ты меня позвал, я и сняла тыщу». «И все остальное – на книжке?» «Ну да!» «Да ты понимаешь, – зашептал Клим, – что скоро цены отпустят, и твой вклад обесценится?» «Ой, – сказала Светлана и положила руку

на грудь. – Что же делать?» «Снимать деньги! Покупать все, что можно: машину, дачу, мебель, хорошее пианино, драгоценности, валюту! Петр пришлет рабочих, они тебе ремонт сделают – по полной программе!» Она остановилась: «А зачем мне это нужно, Клим?» «Это нужно нам!» – вырвалось у него. Все свои обязательства перед Надей он выполнил. Дочь, она же сестра Аня, вышла замуж поздно, зато дважды «выстрелила», сидела с детьми дома, толстела и была совершенно счастлива, тем более, что Клим помог купить трехкомнатную квартиру, а у мужа открывались неплохие перспективы перевода в Москву. Сережка поступил в технологический институт, Клим отдал ему своего «жигуленка»: «Как добьешься, куплю иномарку». Да и у Светланы все определилось: Ленка вышла замуж и съехала к мужу. «Хорошо, – сказала она. – Я сделаю все, что ты скажешь, Клим».

После выхода Закона о приватизации у него стали появляться московские гости. Они были какие-то все одинаковые – как китайцы, которые русским кажутся на одно лицо, и наоборот, – интересовались самыми прибыльными предприятиями региона и учили Клим, что главное сегодня не деньги, а – информация: «Создайте нам информационную базу, и мы купим ее у вас за большие деньги». Уходя из пароходства, Клим унес с собой десятки дискет. Там были не только перевозки, но и данные о клиентуре, а это практически все предприятия региона. Но этого все равно мало, надо эту информацию обновлять и дополнять. И он вспомнил про Юльку: «Посажу-ка я ее на эту базу. Получится – хорошо, не получится – не велик убыток». И у Юльки стало получаться, а главное – она была здесь, с ним, родная, похудевшая, постаревшая. В помощь к ней он посадил своего сына, который с компьютером был на ты. Они были прекрасной парой: ироничная тетья и влюбленный в нее племянник. Вскоре Клим понял, что москвичей в основном интересует север: там нефть, газ, золото, руда, и сам предложил им слетать в Северный. В аэропорту их встретил Витя Маслов, провез в портовском «Уазике» по городу, разительно изменившемся за эти годы: везде киоски и яркие вывески, устроил в лучшей из двух гостиниц, привез в ресторан, где москвичей поразило все: европейский

интерьер, официанты в смокингах, баварское пиво. И следующие три дня Витя обеспечивал москвичам все возможные и даже невозможные контакты в администрациях, управлениях, конторах. Москвичи рассчитались с Климом напрямую, минуя фирму, и он подумал было поделиться с Петром, но решил этого не делать: протянешь руку – откусят по локоть.

В начале весны отпраздновали пятидесятилетие Нади и Клина. «Сэкономили!» – смеялся сын Сергей. Клим молча соглашался с ним: действительно, он сэкономил, но не только деньги: он бы не смог вынести дважды то лицемерие, которым пропитался этот двойной юбилей, словно Надин торт масляным жирным кремом. А вскоре состоялся перевод-переезд Ани с мужем Эдиком и детьми – правда, не в саму Москву, а в Подмоскovie, и Аня с Эдиком забрали с собой Надю, которую Эдик любил еще больше, чем Аню. Вот и хорошо, подумал Клим, и, когда строители принялись, наконец, рушить квартиру Светланы, они стали ездить ночевать за город. Уехав в Москву, Базаров оставил дачу Светлане, но она там и не появлялась, и Климу приходилось бороться с сорняками на двух участках. Для удобства он снял часть забора, так что перелезть через забор или идти по улице не приходилось, да они особенно и не скрывались: парткомов уже не было, так что привлечь за аморальное разложение было невозможно. Ездили они теперь на Светланином «БМВ», черном, стремительном, бесшумном. До трассы надо было проехать по лесной дороге, и обычно эту часть пути за рулем была Светлана, которая собиралась осенью сдавать на права. В тот раз они не спали до рассвета на даче Базарова, как бы в отместку ему, а выезжать надо было рано. Выехав на трассу, Светлана то ли пожалела будить Клима, прикорнувшего у ее плеча, то ли обрадовалась возможности проехать «с ветерком»... Быстрая и бесшумная езда по пустынной в этот час дороге убавкала ее, и она заснула за рулем.

Клима лечили долго, и, когда к нему стали пускать посетителей, и сын и Юлька рассказали ему, что произошло в фирме за это время: исполнительный директор Петр Великий снял все деньги и скрылся, все счета арестованы, на

него, как на учредителя, заведены три уголовных дела, Базаров на звонки не отвечает, – он позавидовал Светлане. Они оба были на ее похоронах, от них он узнал, что лицо Светланы мало пострадало в катастрофе, и на нем осталось выражение счастья. Надя прислала телеграмму (заверенную врачом!), что не может приехать из-за приступа гипертонии. Наконец-то на его радиотелефон позвонил Базаров и выразил сочувствие. Клим молчал. «Петр звонил недавно Вике». «У тебя есть ее телефон?» Базаров помолчал. «А она рядом, поговори». «Он где-то недалеко, – сказала Вика, успокаивая то ли его, то ли себя. – Так хорошо слышно было!» Клим помотал головой, насколько это ему мог позволить гипс: «Наоборот: чем дальше, тем лучше слышно. Он явно за границей. Что же он сказал?» Она замялась. «Что это я виноват в вашем разводе?» «Примерно так... И еще – что ты забрал все деньги москвичей себе, а он взял свои». «Да нет, он взял все. И знаю, зачем. Он купит особняк, устроится, откроет бизнес и наконец-то избавится от комплекса неполноценности, который развел вас. А я тут не при чем. Хотя, начнись все сначала...» Она положила трубку

Приходили Виталий и Наталья. Виталию уже было за семьдесят, Наталья исполнилось шестьдесят пять, они с самой весны жили на даче, и признались, что никогда не были такими счастливыми: «Мы, как на Западе, где пенсионеры самые обеспеченные и самые свободные люди!» Неожиданно появились Волоховы; Юрий Васильевич, пересевший из партийного кресла за стол начальника областной транспортной инспекции, громогласно ругал Ельцина и его мафию, а постаревшая, усохшая, сгорбившаяся Татьяна Петровна вставила было слово про «умницу Явлинского», но тут же умолкла и сжалась под взглядом мужа из-под мохнатых брежневский бровей.

Оставшись один, он вдруг впервые за несколько последних лет вспомнил свою кормилицу Аню и подумал о ней как о родной матери: что ж ты не убрелга своего любимого сына от сумы да от тюрьмы? Конечно, в тюрьму он не попадет, но за это надо будет столько выложить адвокатам и бюрократам! Базаров не ошибся, сказав, что правосу-

дие закрывает глаза, он лишь не добавил: «За большие деньги». Вон те москвичи, которых он принимал в офисе и возил в Северный, стали хозяевами всего Севера за копейки, они уже получают миллиардную прибыль, вошли в правительство, а весь его гонорар уйдет на оплату услуг адвоката. Борис это словно бы предвидел, отказавшись от предложения стать учредителем фирмы: «Мне как госчиновнику – нельзя!», и денег с фирмы он не брал, зато сколько их с его подачи прошло через фирму, сколько сделок оформлено, и пойдешь разберись, какие настоящие, какие липовые! А вдруг все это было продумано заранее и разыграно, как по нотам: чтобы Борис продал Север и при этом остался чистым? Пожалуй, так все и было. Да и он хорош: продан за ли за чечевичную похлебку, то ли за тридцать сребреников... А новая жизнь, отняв у них то, чем они гордились в прежней жизни: порядочность, доверчивость, готовность помочь, не дала взамен ничего. Что же дальше-то будет, если они за какие-то пять лет все в себе перевернули, другими людьми стали? Да и людьми ли? Как же так? Худенькая сероглазая женщина потеряла трех детей и четырех мужей, прошла камеры и ссылки, истязания и оскорбления, другая, чем-то похожая на нее, выкормила и вырастила чужого ребенка, отказалась от счастья... Эх, мама-мама! Почему ты не била меня, приговаривая: сам не воруй и другим не давай, честь свою береги!

На ноги его так и не поставили, и Юлька забрала его к себе в корсете и с костылями. После утомительного переезда он задремал в своей новой постели, а когда проснулся, увидел склоненное над ним сияющее счастьем лицо Юльки, вечной Нины Вершининой. «Это ты?» – прошептал он. Она закивала головой: «Я! Наконец-то мы вместе! Теперь уже навсегда!» Какой ценой, подумал он, такой ценой!.. «А где наш аспирант?» Она снова потрясла головой – теперь уже отрицательно: «Никого нет, только ты и я!» На шее у нее была та самая подвеска, что так не понравилось ему, а на руке – колечко с аметистом, которое он подарил Соне, потому что не застал Юльки. «Подвеску мне подарил ты, когда был Иосифом, а колечко – Соня, – сказала Юлька, заметив его взгляд, – и наказала: надень его, когда ты полюбишь по-настоящему. И вот я надела!» «Когда она тебе его подарила?» «Когда уезжала в санаторий». Ну что ж, его догадка подтвердилась... Он опустил глаза: «А если...» «Милый, – прошептала она, – никаких если! У нас все получится!» И когда на рассвете она, наконец, заснула, он встал и сам, без костылей, сделал шаг к балконной двери.

АООТ "...ское речное пароходство" с прискорбием сообщает о смерти вследствие автокатастрофы потомственного речника, бывшего заместителя начальника пароходства

ГОРДЕЕВА КЛИМА СТЕПАНОВИЧА
2012 г.